

ДМИТРИЙ ЛИМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СПАСТИ РОД РОМАНОВЫХ ПЕРВОКУРСНИК

Дмитрий Лим

Спасти род Романовых.

Книга I. Первокурсник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69855400

SelfPub; 2023

Аннотация

Из привычного мира, где мне приходилось все время убивать, чтобы выжить и прокормить себя, меня выдергивают волей случая... И вся привычная жизнь в секунду изменилась. Теперь я в новом месте, в живом мире, о котором мог только мечтать, блуждая по вселенной. Я очнулся в далеком прошлом, аж в 18-м веке, в Российской империи в теле подростка, семья которого давно мертва, а само мое существование – невозможно. Но и в этой истории, как оказалось, не все ладно. В прошлом нет привычных для меня космических сражений, инопланетных рас и боевых меха-костюмов, зато есть магия. Магия, которой я каким-то хреном владею. Моя цель – выжить любой ценой и спасти императора, защитить его дочь и не дать роду Романовых исчезнуть.

Содержание

Эпизод 1	4
Эпизод 2	20
Эпизод 3	33
Эпизод 4	47
Эпизод 5	60
Эпизод 6	74
Эпизод 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дмитрий Лим

Спасти род Романовых.

Книга I. Первокурсник

Эпизод 1

– Ты... Ты что здесь делаешь?

Это обращаются ко мне? Я с недоумением обернулся на обладательницу столь нежного голоса и оторопел. Че за херня?

Картинка расплывалась, но мне точно не показалось. Девушка не полоумный гладиатор. Типаж не тот.

Определенно, я не на арене, и эта девушка – явно не воин механизированного клана... Кстати, а где тот кривоzubый ублюдок? Пару раз тряхнул головой, восстанавливая изображение, думая, что противник где-то рядом.

– Ты что здесь делаешь, челядь?! – девушка завопила так, что я, скорее всего, оглох бы, если бы на мне не было шлема.

Шлема? А где он? Почему так громко? Меня реально желтоглазый так сильно энергетическим клинком приложил?

Я принялся хаотично ощупывать голову, и до меня, наконец, дошло.

– Че-е-ерт... – протянул, закатывая глаза.

Никакого шлема не было, собственно, меня сейчас прикончат.

Попытался встать, но тело будто бы налилось свинцом. Всяческие попытки поднять руки давались тяжело. Собственное тело меня не слушалось.

"Приложил все-таки..."

Зрение частично вернулось, хоть и не могло идеально сфокусироваться, и то, что я увидел перед собой, явно не энергетическая площадка боевой арены. Контроль пришел к верхней части тела, и я, паникуя, начал вертеть башкой во все стороны.

Сказать, что был весьма удивлен, мягко выражаясь, – значит не сказать ничего.

Это была не моя каюта, не медотсек, даже не платформа ожидания боя, а обычная комната-рубка, со стилем хрен пойми какой эпохи, и я, прошу заметить, нахожусь здесь абсолютно голый.

– Чет щекотно, – пробурчал, опуская глаза, стараясь полностью проигнорировать тот факт, что я не на «базе». – ... Твою ж...

Мне определенно не показалось. Я не на военном корабле «Арчи» и не на боевой арене гильдии, да... А, что да?

Что за роскошная женщина? М?

Хаотично бегая взглядом по обстановке вокруг, принялся судорожно размышлять.

Комната большая. Больше капитанской каюты. Нет стола связи. Зачем-то декоративный камин, хотя эта утварь давно вышла из моды. Странный цвет у стен, как будто их чем-то обклеили или раскрасили. Бессмысленно в условиях постоянных сражений. Пустая трата кредитов. Явный закос под что-то старое. Я на корабле контрабандистов?

И все закончилось саморазглядыванием.

Моя брэнная тушка сидела на мягких, перьевых, судя по «зуду» в заднице, подушках, разложенных на роскошной кровати с резными ручками, которая явно не была предназначена для меня – раба арены. Девушка – явно не портовая куртизанка. Слишком гордое и пафосное выражение лица для продажной. Да и...

Явно богачка.

«Что это за татуировка на ее бедре? Это что, типа цепь?»

Так-с... Видимо, реально корабль контрабандистов. А почему я, собственно говоря, голый и здесь?

Полная ерунда...

Я внимательно осмотрел свое тело.

Состояние – не битое, не крашено.

Ни шрамов, которые были заработаны мной во время многочисленных войн, бледно-белая кожа, полное отсутствие внешних имплантатов.

"Хм... Меня восстановили в капсуле? Спасибо, что не дрыщ, но все же..."

Руки весьма подкачаны для юнца, а еще я обнаружил

странную метку на ладони правой руки.

Татуировки? Они же запрещены законом... Да и у девки символ на бедре – знак работорговца...

А достоинство-то какое...

Стараясь не обращать внимания на возмущенную девицу, которая протяжно истерила что-то про честь и достоинство, я, пошатываясь, встал, с радостью на душе отметил, что контроль над конечностями вернулся и как легко двигаться в этом теле, а затем, подошел к тому, что меня так заинтересовало в этом месте.

Нет, это не картины, не камин, не дорого-богато обставленные полки, а окно. Какое окно будет в каюте? Что такого может быть в космосе, чтобы делать иллюминаторы вне капитанского мостика?

С некоторым волнением в сердце я резко дернулся в сторону окна, оперся дрожащими руками на раму.

Я не в космосе...

Пришлось чуть-чуть применить силу, все-таки «подροсток» не обладал такими мышцами, как настоящий я.

Окно распахнулось, и в лицо ударили солнце и легкий летний ветерок.

Я зарыл глаза и полной грудью вдохнул воздух, такой сладостный и чистый. Воздух, которого так не хватало нам всем дома.

Это не арена... Я не на корабле... Не в мертвой солнечной системе... Такого чистого воздуха нет ни на одной планете.

Ни на одном симуляторе жизни... Я знаю. Я был везде.

Здесь чисто, тепло, солнечно... Нет запаха гари, нет меха-мобов, войны?! Живой мир?

Твою мать... Что здесь, происходит? Где я?

– Я сказала, прикрой свой срам! – Злобный голосок девушки отвлек меня от «трепыхания», а легкое касание ткани по заднице заставило меня развернуться.

Растрепанная челка не смогла прикрыть разгневанное лицо красавицы, который на вид было лет шестнадцать-семнадцать. Голубые глаза, которые сочетались с миловидным личиком, придавали ей вид беззаботной девицы, какой-то живой...

Давно я не видел «таких» людей...

Ее фигуру и формы подчеркивал белоснежный корсет, но вот панталоны...

Это было странно, не совсем уж и ужасно, но определенно – странно.

– Ты... Ты... – Маска возмущения сменилась на растерянность, а руки закрыли глаза.

Я вновь оторопел, а потом вдруг понял, куда это она уставилась. Ага.

Первый раз видит голого мужика?!

Тряпка, которую она швырнула в меня, оказалась обычными штанами, которые пришлись мне как нельзя кстати. Быстро натянув на себя предмет одежды, привлек ее внимание к себе:

– Привет. Это... – запнулся, подбирая правильные слова. – Где я? Ты кто такая? Это что за система? Что за татушка у тебя на бедре? Ты в курсах, что подобные рисунки запрещены в системах? Что тебя за причастность к торгашам диковинных существ вздернут на любой системной базе?

Она сначала раздвинула два пальчика на лице, чтобы убедиться, что я действительно одет, а затем и вовсе убрала руки с лица. Оценивающе рассматривая меня, она фыркнула.

– Эй?!

– Покажи метку, – приказным тоном сказала она. – Я хочу вызвать тебя на дуэль!

– С бабами не дерусь, – автоматически ответил. – Не по чину как-то. Ты мне лучше скажи, почему я не на корабле? Меня прибили на арене? Я в лазарете на какой-то новой планете?

– Баба?! – встrepенулась она, вертя башкой в поисках чего-то неизвестного мне. – Баба, значит?

Я удивленно прищурил правый глаз, выгнул брови и на всякий случай спросил:

– Ну да, баба, – почесал подбородок. – Это нынче оскорбление какое-то?

– Ты смеешься надо мной? – Ее голос вновь перешел на повышенный тон. – Я что, похожа на необразованную простолюдинку? На бесформенное создание, которое будет служить мужу? Огороды копать? Детей воспитывать?

Ее ответ полностью выбил меня из колеи понимания. О

каких огородах она говорила? Что это вообще такое? Какая служба? Какая простолюдинка?

– Алло, мадам, ты кто такая? Где я? Что происходит?

Это было некоторым переломным моментом в жизни девицы. То ли она не привыкла, что с ней так разговаривают, то ли в «этом месте» вообще не принято хамить. Но разобраться с этим я не стал. Я человек простой, вижу дверь – сваливаю нафиг.

Обогнув застывшую девушку, потянулся к дверной ручке, которая тоже имела вычурную резьбу, как и кровать, и только собрался нажать на нее, как меня словно кипятком ошпарило.

Не понимая источника такого «горячительного», с удивлением уставился на руку, а затем на ладонь.

Метка. А точнее...

Череп быка, который имел только контур, начал переливаться всеми возможными цветами.

Что за бык?

Последующий «тепловой удар» пришелся на спину. Я резко развернулся и уставился на девушку, которая вытянула перед собой руку ладонью в мою сторону.

– Че?

– Еще получить хочешь? Метку показывай! Выполни условие перед дуэлью!

– Что получить? Дуэль за что? За то, что я тебя полуголой увидел? Бред!

– Ты видел то, что никому нельзя видеть!

Косил под дуручка не специально. Я в душе не понимал, что происходит и чего она хочет. А вот когда волна жара снова прокатилось по коже, все же понял источник, а если быть точнее – увидел.

Из ладони разъяренной девочки тонкой струйкой выходило пламя, начинаясь от определенной точки в метке, словно там было отверстие, из которого выходил дымок, заканчиваясь в полуметре от ладони вполне конкретным огнем. Странно.

Огнемет? Она что, андроид? Да не... Я внимательно осмотрел девицу и не нашел никаких проводов, грубых, неотесанных деталей, и какого-либо отличия. Человек. Какой-то новый модуль?

– Тебе мало? – закричала она, вскидывая вторую руку ладонью на меня. – Метку!

Я внимательно посмотрел на рисунок.

Такой же контур, как у меня, тоже переливался, только «знак» был другой. Двуглавый орел.

Империя Темного Лорда? Она принцесса?

Чувство легкой растерянности как ветром сдуло.

– Темный Лорд завербовал ребенка? Или же... Ты его дочь? – сквозь зубы сказал я, пялясь на ее лицо, чтобы отловить эмоции и, возможно, понять, врет она или нет.

Мой вопрос явно озадачил ее. Немного втянув голову, нахмутив брови, она опустила руки и внимательно уставилась

на меня.

– Кто?

– Темный Лорд. – злобно повторил я, – Герб на твоей руке. Двуглавый орел – знак Темной Империи!

Она покрутила пальцем у виска и начала звонко хохотать, а я в очередной раз ничего не понял.

Ее забавляет ситуация? Я ошибся? Или это насмешка в мой адрес? Вот бы мне сейчас мой клинок... Я бы быстро ее разговорил, и все равно мне на ее возраст. Враг Высших – мой враг!

– Эй, хохотушка, быстро отвечай, а не то тебе шею сверну! – повторил, вставая в боевую стойку.

Мне бы сейчас мой боевой костюм. Кто знает, что у нее еще за имплант.

– Угрожаешь принцессе, значит? – удивилась она. – Если ты доживешь до того момента, как мой отец вернется из Москвы, он лично твой поганый язык отрежет!

Москва? Что?!

– Я, Елизавета Петровна Романова, приказываю тебе показать свою метку и принять мой вызов на дуэль!

Говоря все это, она выпрямила спину, приложила левую руку к сердцу, а вторую руку вытянула перед собой, показывая свою переливающуюся татуировку.

Романова? Москва? Seriously?

Не знаю на счет Романовой, но вот Москва было мне до боли знакомым словом.

Больше двадцати лет назад, космическая орда уничтожила почти все живое в родной солнечной системе. Выжили лишь бункерные крысы и личный состав космического флота. Москва была столицей планеты Земля, а Москва-2 – столицей Юпитера.

Почему она говорит это название? Где-то еще есть этот «город»? Где-то есть мир, похожий на наш?

– Где я? – растерянно спросил. – Почему ты сказала «Москва»?

Мой вопрос поставил ее в тупик. Она пару секунд помедлила, задумчиво уставилась на меня и наконец, ответила:

– Москва – большой город. Папа там строит новую академию. Ты что, с луны свалился? Не знаешь про такой славный город?

– Луна, значит...

Теория параллельных вселенных всегда существовала и была поводом для бесконечных теорий и разногласий, но чтобы вот так и сейчас, со мной...

– Метку!

Стараясь не углубляться в собственные размышления, как-никак это все «вода», я без каких-либо сомнений вскинул правую ладонь, показывая «быка».

– Ну так что, дуэль-то из-за чего? Из-за твоих трусов? Или то, что я увидел твой рисунок? Ты работороговец?

Губы Елизаветы задрожали, а в глазах появился страх. Вот что-что, а этот взгляд я всегда узнаю.

«Твое последнее слово, выродок! – кричал я лежащему спиной на стальной платформе офицеру орды. – Проси о пощаде! Моли меня остановиться, как молила моя команда!»

«Мое тело будет принадлежать орде», – сказал мне орк, в глазах которого был полный ужас от приближения пятидесятикилограммового энергетического клинка к его башке, но он не просил пощады. Это было мое первое убийство. Первый раз, когда я «подарил» живому существу чувство страха. Первый раз, когда оборвал чью-то жалкую жизнь.

– Ты смог увидеть запрещенную метку... Ты мертв... м-м-м-мертвый, – заикалась она. – Как ты прошел магический барьер? Как попал в женский корпус? Мертвецам вход на территорию академии заказан... Как ты вообще ходишь...

– Академии? – Я удивленно почесал затылок. – Какая, к черту, академия? О какой запрещенке ты говоришь? Какой на... Магический?

– Петербургская магическая академия наук, какая еще... – пробормотала она, изучая меня. – Нет. На мертвеца ты не похож. – Она сменила растерянность на озлобленность и потребовала: – Назовись!

– Алексей Воробьев, старший лейтенант корабля «Арчи» Космического Флота Конфедерации, – отчеканил я.

– Не знаю, о каком таком ты флоте говоришь, но я... – Она набрала в грудь побольше воздуха. – Я вызываю тебя на дуэль!

Скрестив руки на груди, издевательски улыбнувшись, я

парировал:

– Лизка, а драться ты будешь в трусиках? Или накинешь что?

Быстрый взгляд на собственные ноги, румянец на щеках пропал, наступила очередь бледности, и я вновь стал «счастливым» слушателем истошного крика.

Но звонкая пощечина, которую она отвесила, метнувшись ко мне с нереальной скоростью, убрало издевательскую ухмылку с лица, а затем...

Меня вновь «одарило чудесной силой» Лизы, и теплый воздушный поток, который появился из ниоткуда, как будто подхватил меня за грудки и потянул, очень навязчиво, в сторону окна.

Как бы я ни пытался отпираться, но под злобным взглядом красавицы меня потянуло вниз.

Чувство, что тебя как будто всасывает в неизвестность, была мне знаком но чтобы так... Не в трубе...

Благо этаж был лишь второй, и, отбив себе пятую точку, я оказался на земле.

«Офигеть», – коротко и ясно промелькнула мысль в полу пустой голове.

Я сидел на теплой земле, в кустах неизвестного мне растения, тер поясницу и крутил головой в разные стороны, раздувая ноздри, пытаясь запомнить такие вкусные запахи.

Все же жизнь на корабле дает о себе знать. Природы я с детства не видел и не «слышал», а здесь все такое живое...

Куст, в котором я сидел, был слишком уж сказочным для меня. И для моей задницы тоже. Не знаю, сколько шипов в нем, но, боюсь, вытаскивать их придется очень долго.

Макушку припекало солнце, яркость солнечного света заставляла щуриться с непривычки, а свежий ветерок ласкал лицо.

Мое сказочное приземление не осталось незамеченным, и уже спустя полминуты кучка подростков в причудливой одежде, но одного стиля, стояла вокруг, тыкала в меня пальцем и хихикала.

Не люблю я насмешек в свою сторону, но хамить опять, чтобы так же прилетело уже от них? Бессмысленно. Надо для начала понять, кто это и что. А там уже... Головы поотрываю.

В общей сложности ясно только одно: я не на корабле, и я не я. Тело не мое, хоть разум и остался прежним. С этим разберусь чуть позже, а сейчас нужно понять, что за оружие было у Лизы, и есть ли оно у меня.

А потом уже разберусь, куда двигаться и как здесь оказаться.

Ладно, время покажет. А пока...

Поднялся с земли, деловито стряхнул грязь и траву со штанов, упер руки в бока и уставился на «толпу». А они на меня, с некоторым удивлением.

Я слишком серьезно выгляжу? Зачем так пялиться?

В такой «компании» и позе я простоял чуть больше ми-

нуты, улавливая на себе косые взгляды, пытаюсь услышать, о чем они шепчутся, ровно до того момента, пока толпа не расступилась и ко мне не вышла Елизавета Петровна.

О, оделась, красавица. Нормальные бы трусики тебе, и я бы даже "влюбился".

– Быстро же ты оделась, Лизок, – улыбнулся, приветливо махая ей рукой.

Она побледнела и озлобилась, а вот толпа подлила масла в огонь.

– Лизок? Серьезно? – громко сказала девица с рыжими косами и веснушками на все лицо. – Елизавета, это ваш близкий друг?

– Ага, явно не родственник, – рассмеялся «тяжеловес» с бритой головой и максимально тупой физиономией. – Или же любовник у младшей дочери Императора? Вон как быстро из окна сиганул.

«Ей-богу, самый настоящий орк, только не тот цвет кожи, – злобно подумал, – другие бы условия и оружие, я бы тебе голову точно снес».

– Смеешь такое говорить дочери Петра Первого? – сквозь зубы процедила Лизок, отчего парень побледнел и приобрел цвет мраморной статуи.

– Я не-е-е...

Парень заткнулся, понурился, и все внимание вновь переключилось на меня.

– Лиза, ты не дома. Ты в академии. Рангами своими пугать

простолюдинов будешь. – подала голос миловидная девушка, с огромными... кхм, глазами и теплой улыбкой. – Президент же говорил, что все мы здесь равны. Нет никаких принцесс, графинь и прочих рангов.

Ого. Интересно, сколько ей лет?

– Как ты там говорил, тебя зовут? – начала Елизавета, полностью игнорируя слова обладательницы шикарных форм. – Алексей Воробьев?

– Именно, – ответил, притворно зевая, – Дальше-то что? Закричишь? Перчаткой в меня кинешь? Или как там у вас делается?

– Покажи свою метку, – потребовала она, – прими вызов. Призови своего фамильяра.

– Фамильяра? – искренне удивился я. – Это что вообще такое?

Толпа загудела: «Он не знает, что такое фамильяр? Как он вообще оказался на территории академии? Обычный человек же не может здесь находиться. Значит, он маг, и боевой фамильяр у него должен быть!»

Про какого это такого мага они говорят? Это что, словечки из фэнтези-голограммы, которую показывают по станциям?

– Я не буду драться с соплячкой. Смекаешь? – грубо произнес и двинулся через толпу обратно к дому.

Ну, коль я здесь оказался, то неспроста. В доме найду кого-нибудь поумнее. Там мне уже все по полочкам разложат.

Только вот девушка была совершенно другого мнения. Чудесным образом перед моей физиономией возникла полупрозрачная стена, в которую я неуклюже вмазался.

Почесывая ушибленный нос, обернулся.

– Ну, раз сама так захотела...

Судя по всему, меня не отпустят.

Толпа замерла в ожидании шоу.

Главное, добраться до нее. Захват, удушающий, и все. Не успеет она меня обжечь, не помогут ей импланты.

– Я, Алексей Воробьев, принимаю твой вызов, – выпалил. – Как там тебя... А, да. Принимаю твой вызов, Елизавета Петровна Романова.

И как показала практика...

Зря я это сказал, очень даже зря...

Эпизод 2

Мои слова вызвали некоторый ажиотаж среди подростков. По их замерзшим выражениям лиц было понятно: они никак не ожидали, что я соглашусь. Самое интересное, что меня сразу же записали в покойнички.

– Он серьезно согласился? – с немного побледневшим лицом сказала обладательница шикарных форм. – Да он... Он...

– Она его уделает, – коротко заметил «орк», – И глазом не моргнет.

– Он что, даже правил не знает? Она же специально! – сказала еще какая-то девица, но уже за моей спиной.

В мою, если это так можно назвать, поддержку, подали голос «дрыщи», которые были очень друг на друга похожи.

Одинаковые прически под горшок, рыжие, и явно братья. Уж больно одинаковые у них черты лица. Сгорбленные носы, низко посаженные глаза, тонкая линия губ и наитупейшее выражение лица.

– Елизавета Петровна, боюсь, что это неправильно, – сказал один из них.

– Не по чину вам драться с ним, – заметил второй. – Вы высокородная, дочь самого Петра Великого, а этот, – он с некоторым омерзением показал на меня указательным паль-

цем, – Безродная собака, и не больше.

«Я тебе голову оторву, щенок», – злобно промелькнуло в голове.

– Да, какая разница, есть у него за спиной кто или нет, – начала девушка с формами. – Шансов – ноль!

Чего это она? Что мне сделает эта девка?

Больше никто ничего не сказал.

Я молча шел за Лизой по тропинке из желтого кирпича среди кустов разноцветных роз. Обдумывание разговоров «студентиков» как-то вывели меня из первоначального состояния, где я любовался природой и живым миром, и, к сожалению, я не сразу к этому вернулся. Может быть, заметил для себя что-то большее.

Сейчас было другое. Оценка ситуации и мое «попадание» сюда.

Если магия действительно существует, как это с пеной у рта утверждала Лизочка, то у меня серьезные проблемы.

Постоянные битвы на арене, да и в космосе...

Да черт. О чем я думаю? Какая нахер магия? Что за Петр Великий? Кто такие Романовы? Что ей не понравилось? Что так задело? Ну увидел ее в белье, и что такого? Ну увидел цепь на бедре? Да и, впрочем, я не полез же...

Ладно, вернемся к нашим баранам.

Может ли быть... Может ли быть такое, что они магией называют использование имплантов? Или нет?

Это, по крайней мере, вполне возможно объяснить.

Сколько систем я посетил, сколько всяких рас видел... Чудес, если их можно так назвать.

Прекрасно помню, как изучал забытые религии десяти лет отроду, когда родители еще могли позволить себе мое обучение в планетарном лицее.

И прекрасно помню, что подобное слово относилось к «сказочному» действию, при котором существо может влиять на какие-либо силы природы, предметы, подчинять себе ментально, манипулировать «физикой» и так далее. Я столько ереси прочитал про всяческие заклинания, амулеты, обряды, жертвоприношения и так далее, что мне как человеку, который познал развитые технологии Клисан, все это кажется бредом, написанном на заборе.

Мда... Профессор Абрест Коль ссал бы кипятком, если бы все это было взаправду. Что возможны силы сверхтехнологий.

Нахмутив брови, внимательно посмотрел по сторонам, откидывая размышления о магии.

Я шел в полукруге людей. Спереди, покачивая бедрами, гордо задрав носик, шла Елизавета, справа от меня – та самая обладательница хорошей фигуры и «орк», как я его сам про себя прозвал, слева – личности, которые никак не участвовали в разговоре под окнами «общезития» и два молодца, одинаковы с лица. Ну а за спину себе я не смотрел. Незачем.

Помню, что там тоже двое парней не самой серьезной внешности, которые весьма «лестно» высказывались о моем

родстве с какой-то там собакой.

Вряд ли они представляют собой какую-либо опасность для меня. Шейки тонкие. Быстро хрустнут. Это я смогу сделать и с такими «показателями» тела. И сделаю.

Я не задавал никому никаких вопросов, внимательно разглядывая внешний вид.

Не было никакого намека на бронированные пластины, на какое-либо оружие, агрессивное отношение ко мне. Лишь интерес к моей личности.

Не покидало чувство, что меня разглядывают, и я искал са смотрел на сопровождающих. Только они, как и подобает детям, сразу уводили взгляд, почему-то боясь смотреть мне в глаза.

Детки... Самые настоящие детки.

На них всех была абсолютно одинаковая униформа. Различие только в том, что на парнях приталенные брюки, под пиджаком – жилетки, если их так можно было назвать, а на девушках свободные юбочки до колен.

Форма имела один цвет – черный. Я бы не назвал ее какой-то особенной, что ли... Ткань тканью. Бесполезно же...

Она не способна защитить от огня, энергетического снаряда, не поглотит кинетический удар... Да я, если захочу, все кости им переломаю.

А еще на груди у всех была эмблема. Что-то мне подсказывало, что в таком наряде на ее месте должен быть какой-то карман. Сам не знаю, почему мне так казалось?!

Эмблема была «пустой». Она явно для чего-то предназначалась, но либо они чего-то еще не достигли, либо...

Не, не могут они быть учениками Сестер. Явно не могут. Не та форма.

При воспоминании о воинствующих бестиях меня слегка передернуло.

Неприятные противники, а главное – женщины. С такими на арене всегда сложно. В голове очень часто первоначально срабатывает инстинкт, мол, женщин не бьем. А вот когда жопу уже «припекает» пуля, эта идеология слегка меняется.

Размышляя насчет формы подростков, я не сразу заметил, что обстановка вокруг слегка изменилась.

Кирпичная дорожка, усыпанная с обеих сторон различными кустами, неожиданно закончилась, пропал звук пения птиц, и моя босая нога окунулась в теплый белый песок, который согревало палящее солнце.

Чувство «перехода» тоже не прошло бесследно. Я с некоторым усилием переступил эту незримую границу и даже испытал кратковременную-легкую усталость.

Странно. Словно сквозь воду прошел.

Оглянулся назад и увидел, что «картинка», если так можно сказать, по которой я шел, была за спиной, только ее изображение будто бы расплывалось в водной глади.

Хреномантия, полная.

Изменилось абсолютно все. Как будто я был в одной комнате и вышел в другую. Изменился пейзаж, температура воз-

духа, да и сам воздух. Вместо свежего травянистого запаха в нос ударила сухость. Во рту тоже пересохло. И дышать стало тяжелее.

Я повернулся в сторону Лизы, которая стояла в песке, и поднял глаза, начиная внимательно разглядывать небольшую версию Космической Клетки, очертания которой я, так скажем, мог узнать в этом месте.

Стены высотой в десять метров, плюс-минус составленные так, чтобы образовать круг. Явно состоящие из плотного камня, а не из стали, как «дома». Огромные трибуны на этих самых стенах. Непонятные мне флажки, которые «усыпали» всю стену. Ну и, собственно говоря, два входа. Один, из которого пришли мы и второй в стене напротив нас.

Как на арене, ей-богу.

Стены были выщерблены, имели множество трещин, а некоторые трибуны разбиты.

Какой силой и с помощью чего – я мог накидать сотню вариантов, но... В моем мире, а не здесь.

Типичная боевая клетка. Только не усиленная ничем, да и площадка для боя пустая. Никаких преград, камней, башенок. Это полное самоубийство... На такой не подраться никак. Фехтовальщик энергии против любого стрелка сразу проиграет. Как они здесь дерутся?

Из головы все никак не выходила названною мною «пелена», через которую я прошел, чтобы оказаться здесь. Собственно говоря, вопрос, который назрел, очень быстро нашел

свой ответ.

— Если уж ты смог перейти в пространство из административного здания, значит, ты сто процентов маг, — неожиданно раздался голос Лизы, она медленно приблизилась ко мне, и еле слышно добавила: — Ты не мертвец, определенно нет. Тогда как ты смог увидеть мою метку?

Преломление пространства? Что-то знакомое...

Я не отреагировал на ее слова, пожал плечами, обогнул ее и прошел чуть вперед, разглядывая обстановку.

— Лизочка, ты же знаешь, нулевкам нельзя сюда заходить, — с легким страхом в голосе сказала девушка с формами за моей спиной. — Если Лаврентий Лаврентьевич узнает, что мы прошли через ворота на арену, нам даже не дадут пройти пробный экзамен на первый курс...

Я обернулся и с удивлением уставился на девушку. Какое-то странное имя она назвала. Сложное. Непривычное.

Ее слова одинаково подействовали на всех остальных, кроме меня и Лизы. Все как один чуть опустили плечи и принялись пугливо озиаться по сторонам, как будто искали кого-то.

— Не бойся. Чтобы поймать след перехода даже на территории академии потребуется не меньше десяти минут. А мы немного изменим правила дуэли, — звонким голосом ответила Лиза. — Ты хоть правила-то знаешь? — Она повернулась ко мне.

— Не-а, — протянул я, разглядывая фигуру в каком-то тем-

ном одеянии на том конце стены, которую только что заметил.

До стены метров тридцать. Были бы линзы, даже лицо увидел бы, а это...

Студенты же, как я понял, даже не увидели гостя, что было довольно странно.

– Судьей будет Маша, – принцесса кивком показала на ту девушку, которую я про себя прозвал «формами». – На подготовку – одна минута. Используем, собственно говоря, фамильяров. Артефакты семьи запрещены. Все понял?

Я ничего не понял, а когда перевел взгляд с Лизы на трибуны, фигуры уже не было.

– Не-а, – вновь протянул, опуская глаза на принцессу, пытаясь состряпать на лице маску непонимания, что мне, в принципе, удалось.

Елизавета Петровна лишь закатила глаза, вновь отвернулась и поплелась куда-то вперед.

Ко мне обратился «орк»:

– Уважаемый, я все понимаю, вы, возможно, еще в шоке от подобного вызова, но мне же не показалось? – Он понизил голос до шепота: – Ты реально не понимаешь, о чем она?

– Нет.

– Стоп... – Его лицо исказила гримаса удивления. – Друг, стоп... Ты даже не заключал контракт?

– О каком контракте речь? – ответил я полушепотом.

По выражению лица парня было видно, что он не то чтобы

в полном удивлении, но в растерянности. И остальные тоже.

– Приготовиться! – крикнула Маша, и тут началось.

Ребята вокруг меня бросились врассыпную, остановились в десятке метров и застыли. Только Мария стояла между мной и Лизой.

– Готовься, дурачок из рода Быковых, – громко сказала принцесса. – Ты умрешь за то, что увидел!

Чего это она? Что за странное место?! Умереть за то, что увидел ее в одних панталонах? За картинку на бедрах? Херня же.

– Начали!

На первый взгляд, ничего не произошло после команды, но это лишь на первый взгляд. Я не стал стоять на одном месте. Смысла в этом не было.

Не знаю, что за оружие есть у противника, что она может и чем мне это грозит. Была лишь одна цель на данный момент – сократить дистанцию и не попасть под обстрел чего-либо.

Виляя по песку, я сократил первые пять метров. Только мой «бег» никак не смутил принцессу, а я удивился появлению преградившего дорогу рыжего создания, из-за которого мне пришлось чуть свернуть, увеличивая дистанцию.

Кошка! Я видел таких в старых голограммах! Только... Она какая-то большая.

Создание, в котором было примерно пятьдесят килограмм заботы, ласки и шерсти, в сидячем положении с метр ростом, смотрело на меня огромными зелеными глазами и,

мне явно не послышалось, издавало какой-то утробный звук.

– Тебя удостоили чести, – заговорила Лиза, – Первым в стенах этой академии почувствовать силу моего фамильяра!

Ага. Фамильяр – животное? Это они так называют своего домашнего питомца? Что за херня?!

Я, получается, могу так же «купить» животинку и называть его фамильяром? Не. Нелогично.

Кстати, а откуда это создание, вообще, появилось? Не из пальца же?!

Решив просто обойти животное, я медленным шагом пошел в сторону, выдерживая расстояние от «рыжика», ожидая подвоха. Только вот зеленоглазому или зеленоглазой это пришлось не по вкусу.

– Маргоша, покажи себя! – закричала Елизавета Петровна, показывая в мою сторону пальцем.

Маргоша, собственно говоря, и показала. Встала на лапы, разинула пасть и...

Охереть. Это точно робот!

Из пасти кошки, словно из ствола огнемета, пошло пламя. Оно было небольшим и не имело большого радиус поражения. Всего-то полтора метра. Я просто на банальных инстинктах пригнулся, перекатился в сторону, вскочил и отошел на пару шагов назад, замер с неприкрытым удивлением на лице и скрестил руки на груди.

Пламя не доставало меня, и я, все же сомневаясь в своих домыслах, выжидал, когда оно иссякнет.

«Порыв» продолжался еще пару секунд, и для нового потребовался полноценный вздох животного.

Нет. Не робот. Она дышит, определенно живая. Имплант? У нас так-то запрещена модернизация животных. Даже инопланетных.

Вторая попытка животного не увенчалась успехом, и я, не теряя времени, резко дернулся в сторону Лизы, до которой оставалось опять чуть больше пяти метров. Кошка среагировала на мой рывок и оказалась вновь между нами двумя. Ее скорость была за гранью реальности. Дистанцию я сократил лишь на метр и, как догадался, все бесполезно.

Песок обжигал ноги, а палящее солнце уже изрядно напекло макушку. Тело подростка определенно не было готово к подобным резким всплескам активности мышц и изрядно устало.

Если это бой не на смерть, буду тренировать тело. Если, конечно же, не вернусь домой. Не хватало еще, чтобы меня какая-то девка гоняла.

Новый огненный рык, и все-таки я опалил волосы в носу.

– Нечестно, – рявкнул я. – У меня нет такого животного!

– Не лги, Быков, – ответила Лиза. – Ты не мог оказаться здесь, не имея контракта. Ты маг, а если ты маг, у тебя должен быть питомец. Или тебе стыдно его показать?

– Да я...

– Твой питомец – опарыш?

Ее наиглупейшая шутка вызвала смех в толпе. Смеялись

все, кроме Маши и «орка», которые, как я понял, не разделяли столь «тонкого» юмора.

М. Понятно. Прихвостни принцессы. Такие же «недобитые» и «высокоинтеллектуальные». Неужели я, победитель Колизея, не смогу справиться с фокусами какой-то девчонки?

Предпринял еще пару попыток сократить дистанцию, только в этот раз прыгая в песок, чтобы огнедышащий кошак не подпалил мне волосы где-нибудь еще, и все же смог отследить некоторую закономерность.

Пламя не было постоянным. Каждый «поток» шел не больше пяти секунд, и еще пять требовалось кошке, чтобы «зарядиться» кислородом для очередного выстрела. А еще... Лиза контролировала этот поток! Куда она указывала рукой, туда кошка и палила! Если я не буду медлить, то...

Лиза не была совсем уж глупой и немного отходила назад, но план созрел сам собой.

На очередной перезарядке я вскочил с песка, отталкиваясь от него руками, чтобы твердо встать на ноги, и рванул на принцессу, напрягая каждый мускул, не замечая, как песок впивается в пятки.

В какой-то момент, понимая, что кошка нацелена мне в спину, чуть пригнулся, схватил пригоршню песка и швырнул его в лицо Лизе.

Тактика сработала, удара в спину я не получил, а вот принцесса лежала на спине, прикрывая одной рукой лицо, а второй пытаясь разодрать мне физиономию. Я лишь по-

удобнее уселся на ее груди, не предпринимая попыток придушить.

Девка все же. Принцесса, и все такое.

– Нечестно! – хрипела она под моим весом. – Ты подлец!

– Подлецу все к лицу, – усмехнулся я, отмахиваясь от пятна. – Условия победы какие?

– Победить противника, – раздался голос в трех метрах от меня.

Я обернулся на голос и завис, не защищая лицо от пощечины, которой Елизавета хотела меня наградить. Но вот удара не последовало.

Мир вокруг нас замер. Все посерело.

Небо, казалось, как будто что-то затянуло, преломляя солнечные лучи, которые не могли достаточно осветить землю и согреть ее. В груди появилось чувство уныния, в теле образовалась усталость, а в душе – паника.

Фигура в сером плаще с капюшоном на голове сделала понятный жест, проводя пальцем по своему горлу, и чуть оттянула назад капюшон. Она смотрела на меня одним серым глазом, второй был полностью белым, слепым, в котором проглядывало лишь очертание радужки.

У нее не было губ, и это выглядело отвратительно. Она скалилась идеально ровными белыми зазубренными зубами.

Я даже не мог понять, улыбалась она или нет.

– Алексей... – протянул скрипучий голос.

Эпизод 3

– Алексей, – повторила она, снимая полностью капюшон.

Сказать, что она была ходячим трупом, значит не сказать ничего. На «такие» тела я за свою жизнь насмотрелся, но чтобы оно еще и ходило?!

Куда же я, млять, попал?

Я уставился на нее, стараясь углядеть «просветы» металлических пластин и чего-либо еще, лишь бы это был простой робот, а не живой труп. Старался найти схожесть с андроидами моего «времени», но увы и ах... Это был самый настоящий труп.

Впалые глаза и щеки, заостренный нос. Цвет самого лица был землистый, ближе к серому, опущенные уголки рта, сухость... Жутко. Мерзко. Безобразно.

Мурашки от затылка до самой задницы, казалось, устроили марафон в обе стороны, не считая вставшего дыбом волосяного покрова на всем теле. Инстинкты в голове кричали одно: «Беги!», но тело не слушалось.

Попытался подняться с груди застывшей принцессы, но тело никак не среагировало, казалось, будто я забыл, как двигаться. Благо хоть, что дышал, хоть и не моргал.

Все попытки поднять руки, да даже шевельнуть мизинцем на ноге не увенчались успехом, да и зажмуриться толком не

получилось. Все тело окаменело, и казалось, будто дыхание – это единственное, что осталось у меня.

Глаза слезились от сухости, в носу свербило от затхлого запаха, а мурашки все так и бегали.

– Алексей... Давно я ждала тебя... Пришел же... Долго...
Надо работать над собой. – фигура издала некоторое подобие смешка, – Или ты с такой тоненькой шейкой будешь убивать врагов? Ох, сомневаюсь...

«Да чего ты хочешь от меня, чучело? – кричал я в собственной голове, пытаюсь пошевелить губами. – Не видишь? Я не могу говорить! Твою мать!»

Чучело сделало шаг в мою сторону, остановилось и начало покачиваться из стороны в сторону, что придавало ему еще более жутковатый вид. Сухие, тонкие ручки не попадали в такт с телом, и наконец, фигура полностью замерла.

Что за херня?

– Ты еще не готов. Я чувствую это. – Она приблизилась ко мне, нагнулась и будто бы начала нюхать меня. – Никто не должен обо мне знать, слышишь? Я – твоя тайна.

Все внутри кричало об опасности, и как бы я ни хотел подавить этот «зов» в голове, не получалось.

Да черт возьми, я же гладиатор! И не такой жести насмотрелся, неужели какая-то «костяная нога» меня запугает? Что за херь с моим телом?

Вновь попытался сдвинуться с места, и, как мне показалось, на пару миллиметров моя рука поднялась.

«Меня не пугает твоя тупая рожа, трупак! Слышишь меня?» – кричал я в голове.

– Слышу, – ответил труп, натянул щеки, будто бы улыбнулся, отошел от меня и хлопнул в ладоши.

Хлопок был знатным, казалось, что меня оглушили на какой-то короткий момент, а затем раздался резкий, противный звук. Словно трещал доисторический экран какого-нибудь старого корабля, на котором ищут правильную частоту, чтобы посмотреть нужный канал трансляции.

Спустя пару секунд мои барабанные перепонки вибрировали в такт с частотой этого ультразвука, и лишь короткая фраза, произнесенная трупом «поверх» этой частоты, смогло убрать эту боль в ушах.

– Обо мне никто не должен знать. Через два дня мы встретимся. Приходи на кладбище академии, я дарю тебе силу и знания.

«А если оно мне не надо?»

– Тебе нужна моя сила. Ты в опасности. Она в опасности. Если ты сможешь принять меня – я одарю тебя своей силой. Дарю тебе мудрость и навыки. Ты приемник. Самый сильный и долгожданный. Без тебя – не получится.

"Что не получится?"

– Ничего не получится.

И, собственно говоря, все.

Звук пропал, серость мира исчезла, время запустилось.

В моем котелке начался процесс варки, или, если быть

точнее, переваривания всей полученной информацией.

Живые трупы? Какие-то зовы... Звуки, время, да б... Я что, в другой мир попал?

Все бы ничего, но, когда я пытался сдвинуться во время процесса «паузы», замер не в лучшей позе.

– Он что, пощечину ей вклеить хочет? – удивился «орк». – Маш, надо бы остановить дуэль, пока новенький свою семью не подставил. Жалко... Что ли...

– Я тоже так думаю, Вань, – ответила судья. – Новенький, кажись, заигрался в дуэлянта... Надо разнимать, – и протяжно свистнула.

О чем это они?

– Если ты... Челядь, – закрипел женский голосок подомной, и я посмотрел вниз на краснеющее от гнева лицо принцессы, – Еще раз замахнешься на меня, твои родственнички падут еще ниже своего статуса, а ты, – она нервно сглотнула, – Будешь до конца жизни горшки из общежития выносить и драить! Или твой папаша сможет выкупить позор семьи? Сомневаюсь!

И только сейчас до меня дошло, в какой позе я замер. Героически оседлав принцессу, замахнулся ладонью над ее лицом. Что было, ну... как бы это сказать, не эстетично, судя по всему.

А как с девкой по-другому? Не, я, конечно же, не собирался ей давать никаких оплеух, так, побороть, пару пинков и до свиданья, но не кулаками же ее личико разбивать? Я не

на своей арене, а она подросток.

Принципы и нормы морали у меня есть. Какие-то, но есть!

– Что это у тебя? – Лиза вновь прохрипела.

Немного не понимая, о чем она говорит, я поднял бровь и проследил за ее взглядом.

Она пялилась ладонь моей левой руки, только вот уже не с лицом, полным гнева, а с некоторой долей удивления, страха, может быть.

Что она там увидела?

Я внимательно посмотрел и заметил слабое очертание чего-то там. Будто бы рисунок, по типу того, что красовался на правой ладони.

Руку все же опустил на песок, слегка углубился ею в песчинки и поднялся на ноги, опасливо озираясь на кошку, которая в секунду оказалась рядом с нами и не сводила с меня глаз.

"Жуткая тварина... Интересно, по чем такую на аукционе можно продать?"

– Ну так что, кто победил? – спросил подошедшую к нам Марию как ни в чем ни бывало. – Я так понимаю, я?

– Ты даже магию не использовал, – пискнула Лиза, вставая с песка, кряхтя от «переутомления». – В чем твоя сила?

– В правде. Смекаешь?

– Что за странное слово: смекаешь?

Я тактично промолчал, натянув на лицо глупую ухмылку, и...

«Снова эти мурашки?»

В голове всплыли слова «трупика», сразу после того как тело «озарило» чувство опасности. Профессиональная карьера на арене, чуйка засады противника и тысяча поединков за спиной все же оставили на мне глубокий след, где бы я ни был и кем бы ни был.

Исподлобья уставился на полуразрушенную трибуну и заметил вспышку.

«Оптика? Что там говорила эта страхолюдина?»

Сугубо на уровне инстинктов рванул вперед, сгребая обеими руками в охапку девиц, и повалился вместе с ними в песок.

– Ты... Ты... – захлебывалась от гнева Лиза. – Я прикончу тебя!

И ровно в момент, как она произнесла последнее слово, в место, где мы стояли буквально пару секунд назад, влетел десяток стрел.

Больше никто ничего не спрашивал. Так же не было осуждений моих действий со стороны подростков.

Я поднялся на ноги, подхватил за локоть принцессу, помог ей полноценно, твердо встать на ноги, а затем схватил Марию за руку, и мы побежали туда, откуда пришли. Остальные ребята последовали нашему примеру.

До выхода оставалось чуть больше пяти метров, мы нагнали других студентов, и песок под нами, начал меняться. Он становился гуще, ноги будто втягивались в него, он стал...

зыбучим.

До «пелены» оставался один «плевок», как мы встряли.

"Не смогли подстрелить, промазали. Устроили ловушку? Враг был здесь раньше? Знал, что мы придем?" – хаотично рассуждал я, дергая голову из стороны в сторону, пытаюсь найти возможного противника.

Но, никого не увидел. Арены пустовали, место, откуда стреляли – тоже пустовало. Собственно говоря, я решил, что этот самый песок – и есть, тот самый гробик для нас.

"Главное, не рыпаться."

Пыхтя, сопя, ворча, каждый из нас пытался выбраться. Поднять ногу, раскачаться, вытянуть «собрата» рядом, но, увы и ах, все попытки были провальными. И чем больше мы дергались, тем глубже уходили в песок.

Опасность, которая была за спиной, похоже, сама по себе испарилась после неудачной попытки покушения. Только вот на кого покушались из нас троих?

Более логичным было покушение на Елизавету, чем на меня или Марию. Но все же два последних варианта не стоит не учитывать. Кто знает, кто такая Мария, чем занимается ее семья, и кто такой я.

А может, кто-то из этих детишек в опасности? Под прицелом охотника? В чем, сука, дело?

«Победителем» нашего погружения был один из двух бестолковых обладателей прически «а-ля горшок», который дергался, истошно кричал, звал на помощь чью-то мать и в

целом вел себя как малолетняя истеричка.

Глубина, если ее так можно было назвать, зыбучего песка была ровно по начало ягодниц этого паренька. А он, прошу заметить, не самого высоко роста. На вскидку, метр шестьдесят, не больше.

Оглядываясь за спину, чтобы еще раз высмотреть «охотника», я и не заметил, как нашу славную вечеринку «омрачила» новая личность, при появлении которой все вмиг замолкли.

– Лаврентий Лаврентьевич, я все объясню, – сказала Елизавета, и я, наконец, повернулся головой в сторону выхода.

– Это кто такой? Что за клоунский парик на голове? – негромко спросил я Марию, которая была ближе всех остальных ко мне, ведь так и не отпустил ее руку, когда бежал в сторону выхода с арены.

– Это Президент Академии, – коротко ответила она.

– Не похож он на президента... Я бы сказал, он похож на пету...

– Не думаю, что тебе стоит такое говорить, Алексей. – Маша, наконец, вырвала руку из моей цепкой хватки. – Он и основал это место. И, прошу заметить, он придворный медик и личный лечащий врач императорской семьи.

В принципе, у меня не было повода сомневаться в ее словах, а по тому, как на «медика» смотрела Лиза, можно было с точностью сказать: она побаивалась его. Либо гнева, собственно говоря, либо то, что ее выходка с дуэлью, а она, как

я понял, пока что под запретом для них, будет обязательно донесена до сведения родителей.

Школота...

– Елизавета Петровна, – басом сказал «президент», – Не будете ли вы так любезны попытаться объяснить мне, почему, как только я покидаю Васильевский остров, вы, моя дорогая, устраиваете балаган в здании академии?

– Я...

– Ваши подобные выходки, а их количество, прошу заметить, столько, что уже не умещается на пальцах обеих рук, в скором времени могут разнести здание. Мне вспомнить ваш эксперимент в кабинете алхимии, когда вы без спроса пробрались к складу и чуть не сожгли весь цокольный этаж?

– Лаврентий Лавре... – жалобно проскулила Лиза, разглядывая свои ноги, которые погрузились в песок по колени, но тот ее перебил.

– Нашей академии всего год! Год, уважаемая! Я не хочу повторить участь Московского училища, где дочка графини на пару с сокурсниками в первый месяц уничтожила половину здания! Или мне припомнить случаи в европейских академиях?

– Не надо... – послышался тихий ответ. – Папа рассказывал.

– То-то же! А вы, Сонцова, почему не остановили боевые порывы вашей любезной подруги?

Он явно обратился к Марии, ибо та зачем-то схватила ме-

ня за руку и довольно сильно сжала ее.

А силы-то в ней хоть отбавляй.

Супербонусом было легкое покалывание в кисти, которое сопровождалось эффектом заморозки. Я чуть наклонил голову вниз и увидел, как рука действительно покрылась инеем. Это было весьма любопытно.

Мне бы такой имплант на корабле, я бы...

– А вы, Алексей, – он явно обратился ко мне, ибо меня после его обращения словно током прошибло, – Не должны ввязываться в драку с каждым или каждой, кто рискнет бросить вам вызов.

Он обратился ко мне? Точно ко мне? Я уставился на мужчину.

– Я... Да я не собирался школьников избивать, – с притворством ответил, отводя глаза от него. – По дурости согласился.

– Оно и видно, – пробасил Лаврентий. – Способ, который вы выбрали, без использования магии, похвальный. Но все же... – он разочарованно выдохнул. – Будьте любезны, сдерживайте свои способности и возможности, чтобы не убить никого ненароком, договорились?

Он что, знает кто я? Что-то знает о том, как я здесь оказался?

Я поднял голову, нахмурил брови и опять уставился в лицо этого человека, ничего не отвечая.

Одет он был явно не по местной погоде.

Скромный однотонный черный костюм с эмблемой двуглавого орла, которого я видел на ладони принцессы, из-под которого виднелась белая рубаша, на ногах черные сапоги, черный парик и черные кожаные перчатки.

Чем-то напоминает стиль студентов.

Меланхолические голубые глаза придавали ему образ какого-то мудреца, а-ля из дальней системы, что было под стать его глубоким морщинам на лбу.

А он не похож на старика.

В нем была какая-то глубокая, захватывающая душу серьезность, как бы истекающая от лица, производила впечатление встречи с кем-то... С кем-то из высшего общества.

– Все свободны, кроме вас, Алексей.

После его слов, как по щелчку пальцем, песок потерял свое «свойство», и все, кроме меня, упали лицом вперед.

Это было предсказуемо с учетом того, в какой позе они замерли после появления этого человека.

Студенты отряхнули форму и в быстром темпе ринулись за спину Лаврентия, в «пелену». Что они испытывали в этот момент, я мог понять, но вот что ждало меня, никак не представлял.

Когда мы, наконец, остались одни, а «орк», который, как назло, медлил с уходом, ушел, я заговорил:

– Здравствуйте, – коротко поздоровался. – Меня зовут Алексей Воробьев, я... – Но он меня перебил.

– Знаю. Здравствуйте.

– Вы знаете, кто я такой? – выпалил, искоса поглядывая на мужчину. – Почему я здесь?

– Знаю, – без какой-либо эмоции ответил он. – Почему, откуда и для чего – тоже знаю. И силу твою знаю.

Я немного опешил. Не сказать, что не обрадовался, что он так ответил, но это было как-то просто, что ли.

– Для начала, рисунок, который проявляется у тебя на левой руке должен быть скрыт от чужих глаз. Могу порекомендовать чудесную мазь, которую производит одна знахарка в Марциальных Водах. Она поможет вам скрыть ее.

– Метка? – Я не понял, о чем он говорит, и уставился на ладонь.

Странно... Я на сто процентов уверен, что ее здесь не было...

Мою левую руку украшала новая татуировка, которая в корне отличалась от рисунка на правой.

Коса. Контур косы. Самой обычной, даже не боевой.

Что за срань? Ее же не было!

И все же, набрав полную грудь воздуха, я выдохнул, успокаиваясь, настраиваясь на позитивный лад. Мужчина явно неопасен для меня, хотел бы или мог бы – напал бы сразу, как «орк» ушел. Ему доверяют, его слушают и опасаются, значит, он действительно тот, за кого себя выдает. По крайней мере, сейчас.

Мне нужны ответы на вопросы, значит, придется немного потрепаться.

– Расскажите мне, – полюбопытствовал, разминая затекшие ноги.

– Не здесь. – Мужчина поднял голову, внимательно высматривая трибуны, покрутил головой в разные стороны. – Быстро же они убрались.

– Вы о ком?

Вместо ответа Лаврентий чуть отодвинулся в сторону, освобождая мне путь к выходу, указал рукой на пелену и сказал:

– Обсудим это в моем кабинете.

– А почему не здесь? – Меня слегка напрягло приглашение, если его так можно было назвать.

– Запомни одно, сынок. Если я сказал – выполняем. Никаких лишних вопросов. Я тебе не нянька.

– Эм...

– Здесь небезопасно. Предки, или предок, тебе неверно все растолковали? – Его голос стал еще грубее.

Предок?

Я не стал ничего отвечать.

Опасливо озираясь по сторонам, делая «остановку» на физиономии президента академии, я медленно, но верно поплелся в сторону «пелены». Проходя через нее, был готов к тому, что сейчас изменится обстановка, я вновь вступлю на дорогу из желтого кирпича и, пожалуй, все же попыю из фонтанчика, который мне так приглянулся, ибо в глотке пересохло.

Но оказался совсем в другом месте...

Эпизод 4

Незабываемое ощущение того, что морда моего лица будто бы окунается в пленку, посетило мой кожный покров ровно в тот момент, когда моя нога переступила порог «пелены». Мечты попить из фонтанчика рухнули в мгновение ока, а сухость во рту лишь усилилась сменой воздуха.

Я стоял посреди простой комнаты с одним окном. Если сравнивать с комнатой принцессы, то здесь не было никаких изысков в виде картин, статуэток, того же камина и до банальности – ковра под ногами.

Комната с белыми стенами, без единой трещинки. Паркетный пол из какого-то темного дерева, один стол почти у самого окна, заваленный книгами и бумагами. Пара кожаных стульев, и да, украшение здесь все-таки было – черная полка с большим количеством книг с разноцветными корешками.

– Хм... – послышалось кряхтение за спиной. – Я явно не ошибся. Кабинет впустил тебя. Значит, все верно.

Я сделал невольный шаг вперед, будто бы давая выйти из «пелены» президенту, поморщился от противного скрипа паркета под ногами и обернулся.

– Алексей, – томно начал Лаврентий, – Что ты испытал во время перехода? Врата пустили тебя через боль?

Меня терзает смутное сомнение, что это я должен зада-

вать вопросы.

– Испытал ли ты какую-либо преграду? Или, может, пришлось применить усилие, чтобы пройти через разлом?

– Разлом? – Меня немного смутила эта аббревиатура с учетом того, что я сталкивался с ней «дома».

Только вот это означало несколько иную вещь...

Разлом у меня – это переход через атмосферу при приземлении на планету. Когда сразу несколько сил действуют на обшивку и энергетическое поле корабля. Собственно говоря, в данном месте такого и в помине не было.

– Да, именно разлом.

– Странно название для пленки. – я почесал затылок и только сейчас понял, что в кабинете прохладно, заерзав на месте. – Бесит только одно – изменение воздуха... Пить хочу.

Все-таки это юное тело не натренировано для быстрой смены климатических условий. Многое придется наверстать, если я здесь надолго.

– Ничего такого сверхъясственного не почувствовал. Преграды не было, лишь легкое трение, – ответил я, пытаясь отловить хоть какую-нибудь эмоцию на лице этого мужчины. – Если сам ваш «разлом» считать обычным событием.

– Значит, силы в тебе хоть отбавляй, – сказал Лаврентий, даже не моргнув. – Когда решил подраться с принцессой, хоть что-то необычное в тебе промелькнуло? В ощущениях? В ладони было ощущение, будто бы там что-то шевелится? Или в глазах?

Я определенно не понимал, о чем конкретно он говорит.

– Думаю, что это не вы должны вопросы задавать, а я, – парировал, скрестив руки на груди.

Лаврентий Лаврентьевич ничего не ответил на это, за чем-то кивнул, и вышел в дверь, которая, как оказалось была за тем местом, где только что "блестел" разлом.

– Жди, – кинул он через плечо и захлопнул дверь.

Мда. Мужик явно не любит общаться, либо не хочет удостоить меня такой чести. Или, строит из себя саму серьезность?

"И не таким мы характер и загибоны ломали..." – невольно промелькнуло в моей голове.

За всю свою жизнь – повстречал подобный тип существ – не один раз. Это они, первоначально, такие серьезные. А по факту – пару раз клинком по икрам и все – общительные, дружелюбные, и отзывчивые. И вся серьезность – орку под хвост.

Выждав пару минут, я двинулся к окну, которое меня манило, как и в прошлый раз своей "нереальностью" в моем восприятие. Своей... Чуждостью, и ноткой свободы.

Здесь не было штор, как у принцессы в апартаментах, или занавесок, но и обстановка за окном ничуть не изменилась.

Только этаж был явно выше. В разы.

На первый взгляд, можно было сказать, что я где-то на самой верхушке здания, ибо если вспомнить общежитие, как его прозвали студенты, там было этажа три-четыре от силы.

Сейчас же создавалось ощущение, что я метрах в тридцати над землей.

В этот раз, надеюсь, меня в окно никто не вышвырнет. А то, боюсь, не выживу.

Под «ногами» было очень зелено. Небольшие фигурки, словно муравьи, слонялись внизу хрен пойми куда по желтым тропинкам, явно – бесцельно. В общем итоге я насчитал в зоне видимости около десятка различных зданий, выделил среди них ту самую арену, к которой, как оказалось, по земле не было пути. Центральную площадь, с несколькими десятками сооружений, ну, и собственно говоря, пока что все.

Все внимание было приковано именно к месту, где я встретил "живой труп" и "охотника".

Арена стояла на маленьком островке, окруженная водой и «стеной» низких деревьев. Там не было не одного моста, от слова совсем. По центру арены была башня, только вот... Она была в воздухе.

"Башня в воздухе? Перемещение в пространстве, чтобы попасть на арену? Антинаучно... Где же я нахожусь?"

Скрип двери за спиной сместил мое внимание на вошедшего в комнату.

Президент стоял на пороге с каким-то крупным свертком в руке и небольшой чашкой, в которой что-то слегка дымилось. Он быстрым шагом зашел внутрь комнаты, дверь за ним захлопнулась сама собой, и первое, что он сделал, так это протянул ту самую чашку.

– Это чай. Осторожно, горячий.

С легким недоумением я протянул замерзшие руки к чашке и с некоторым наслаждением взял ее.

Она была теплой, а напиток внутри – действительно горячим. За пару секунд успел обжечь руки, язык и горло, но зато согрелся. Возможно, я совершил ошибку, доверившись вот так, с ходу, что напиток безопасен, но все же желание согреться и банальное – попить, превзошло инстинкт самосохранения.

Все же, хотел бы убить меня – уже бы убил. Так что, очевидно, яда в чашке не было.

А если... А если он хочет сначала разведать, откуда я? Что я знаю о системах? Или он знает про тот самый артефакт, который моя команда обнаружила на древнем спутнике в трех парсеках от четырнадцатой звезды системы Доминаторов?

После очередного глотка Лаврентий протянул мне сверток со словами:

– Это твоя форма. Новая форма. Отныне ты обязан ее носить в стенах моего учреждения. Настоятельно рекомендую одеть ее, как выйдешь из моего кабинета. Негоже вот так, – он пальцем показал на мой торс, – Блуждать по академии. Слухов много будет. А лишнее внимание, тебе, не к чему.

Я чуть не поперхнулся остатками напитка.

– С какого хрена обязан? – спросил я весьма грубо. – Мужик, ты не думаешь, что стоит для начала все рассказать? Кто ты? Что тебе от меня нужно?

Мой тон ничуть не смутил его, напротив, он, улыбнулся, обошел меня и сел за стол.

– В этом теле, Алексей, и в этом времени тебе не стоит так выражаться перед человеком, который по чину старше тебя. Запомни это, если не хочешь нажить себе врагов рода в стенах академии и вне них. Понятно?

– Времени? Какого...

– Именно так. – Он начал собирать бумаги на столе в одну комкообразную кучу. – Именно так.

– А како...

– Какой сейчас год? – перебил он меня. – Смотря, относительно какого промежутка времени, – он улыбнулся, – Тысяча семьсот двадцать пятый год от рождества Христова.

– Какой нахер... – я уловил его укоризненный взгляд и поправился: – Какого такого Христова? Это кто такой?

– Да, – он закусил нижнюю губу, почесывая подбородок, – Ты у нас из далеких времен... Слишком далеких...

Что-то я ничего не понимал. И как только открыл рот, Лаврентий начал говорить:

– Чтобы тебе, Алексей, было более понятно, я скажу так... Ты, – он на миг замолк, будто бы подбирал слова в голове, – Из будущего. Далекого будущего по нашим меркам, и об этом, – он прекратил чесать подбородок и как бы погрозил пальцем, – Никому знать нельзя. Не поверят и в душевнобольные запишут. Про смиренные рубашки и всякие соборы для подобного, ты, очевидно, не знаешь и не слышал.

– Но...

– Как такое возможно? – предугадал он ход моих мыслей. – Я тебе не скажу. Не сейчас, по крайней мере. Если тебе интересно, а я думаю, – он ухмыльнулся, – Интересно, то путь назад есть, но его нужно заслужить. И поверь, это будет ой как сложно для тебя. С твоим менталитетом, характером, и стилем "прошлой" жизни.

Не сказать, что я чего-то когда-либо боялся, но сейчас ноги моего юношеского тела предательски задрожали.

Как это так... Я не в своем времени? Неужели... Неужели тот самый артефакт? Но... Но как? Перемещение во времени... Да боже! Он несет откровенную чушь!

В голове никак не укладывалась такая сумбурная связка событий. Казалось, что это все сон. Ведь путешествие во времени невозможно! А особенно когда тебя как бы «призывают» в прошлое... Это не научно. Вообще не научно.

Была бы такая возможность на самом деле, разве Конфедерация позволила бы разрушить родную систему? Разве они допустили бы такое количество войн?

Они бы знали все наперед и переигрывали историю...

А сейчас...

– Алексей, ты меня слышишь? – раздался голос где-то извне сознания, и я, наконец, вышел из своих мыслей.

– А, что?

– Потрясен? Понимаю.

– Да не то чтобы...

Лаврентий жестом пригласил меня сесть по другую сторону стола и начал:

– Запомни. Сейчас ты работаешь на меня, нравится тебе это или нет. Другого выбора у тебя здесь нет и не будет. Считай, я тебя нанял.

– А мое согласие? – я нахмурил брови.

– Не требуется. Запомни, ты Алексей Петрович Быков. Твой отец – покойный воевода. Твоя родина – Новый Оскол. Ты, отныне, сирота. Твой род – мертвый, и это – знаю все, почти все. То, что ты, сейчас, здесь – чудо. Понял?

– Это вообще что такое?

– Твой бывший дом. О тебе здесь, в академии, ничего не знают.

– Звучит как-то... Да никак не звучит! – набычился я. – Что это за херня такая?

Лаврентий терпеливо дождался, пока мой словесный понос закончится. И продолжил рассказывать мою легенду, хоть мне это все и не нравилось.

– Твой отец взял тебя на войну, когда была вылазка на восточную часть Дикого поля за лазурным камнем. В стычке с запорожским войском погибла большая часть наемной армии, и твой отец тоже. Ты с группой беженцев смог продержаться до прибытия основного войска.

– Херово как-то звучит. Что за лазурный камень?

– Об этом ты узнаешь на занятиях. А насчет легенды – звучит так, как нужно. Никто не сможет проверить ее.

– А как же остальные выжившие? – улыбнулся я. – С чего ты взял, что их не опросят?

– Никого не осталось в живых, Алексей. Как ты этого не понял?! – томно ответил Лаврентий. – На самом деле, там был лишь один выживший – это я и хранитель камня. Который, кстати, уже не жилец. Не перенес он пыток.

Он как-то странно перекрестился и уставился на меня.

– Ну допустим. Как я оказался в этом теле? Что за метки у меня на руках?

– Оказался ты... Так, стоп! – Он вскочил со стула, обошел стол и подошел ко мне. – Я ее не смог разглядеть. Покажи-ка мне еще раз.

Он очень странно побледнел и жестом как бы попросил меня показать ладони.

Вспоминая слова «труп», я сначала было спрятал левую руку за спину, но потом все же показал ее. Сейчас, кроме этого самого президента, я никого не знаю. Понятное дело, что нехер доверять всем подряд, но, по крайней мере, этот человек знает о моем существовании, попадании, больше, чем кто-либо другой. И, возможно, сможет вернуть меня.

Он очень долго и внимательно разглядывал рисунок на ладони, проводя по его контуру указательным пальцем, что-то бормоча себе под нос.

Наконец, он заговорил:

– Если честно, – он отпустил мою ладонь и вернулся за свой стол, – Я понятия не имею, что эта метка означает. Ни-

когда не видел ничего подобного. Даже у казаков... Только лишь... Не, – он перекрестился, – Быть не может...

– Так, и?

– Если кратко, то все об метках расскажут на занятиях.

– А более кратко и сейчас можно? – полюбопытствовал. – А то получается, я ничего не знаю о своей сущности, если ее так можно назвать, кроме легенды о том, откуда я. Как-то странно, не находите?

Он улыбнулся.

– То есть ты свыкнулся со своим пребыванием «вне дома»?

– Ну как бы по-дебильному это все ни звучало, повода сомневаться в ваших словах, пока что нет. Я довольно быстро абстрагируюсь к условиям и к различным ситуациям, все же я воин. А не дешевка на рынке рабов.

– Любопытное сравнение. Тебя не смущает, что ты понимаешь язык, на котором я говорю?

Это был слишком странный вопрос.

– На каком это языке?

Вместо ответа Лаврентий достал откуда-то из-под стола небольшую книжку, и протянул ее мне.

– «Книга мирозрения, или Мнение о небесных глобусах и их украшениях»? – удивленно прочитал вслух. – Что за хреномуть?

– Приписку внизу прочитал?

– Российская Империя, одна тысяча семьсот двадцать...

Что?

– Твой язык – русский, как и почему ты на нем разговариваешь? Я не знаю. Однако, думаю, ты теперь понимаешь, где находишься.

– Ага, читать умею, не дурак, – буркнул я. – И что мне эта книга даст?

– А вот это мы и проверим. Открой ее. – Он как-то странно улыбнулся, выжидая, когда я ее открою.

Собственно говоря, не стал испытывать судьбу, гадать, что там может быть, и открыл. Кроме белых листов совершенно ничего. Я ее почти всю перелистал, увы, и ах.

– Она же пустая!

– А теперь? – он кивнул на книгу.

Я проследил за его взглядом и удивленно уставился на страницы.

Они были исписаны черными чернилами. Не веря своим глазам, я переворачивал одну страницу за другой, и везде, просто везде было что-то написано. А когда начал вчитаться – охерел как никогда.

Магия? Основы магии и ее использования. Умертвленные заклинатели семнадцатого века? Болотные твари? Формула долголетия? Это что, млять, такое?

– Я так понимаю, теперь, ты все видишь.

– Ага...

– Твоя метка – магический символ твоего рода. Без этого символа ты не можешь использовать ману. С этой меткой

рождаются, искусственно ее не сделать. То бишь, нарисовать можно все что угодно, но толку от этого никакого не будет.

– Так...

– Странно для тебя, да? – Он опять улыбнулся, – Все, что тебе интересно, ты узнаешь из этой книги. И я тебе настоятельно не рекомендую, чтобы ее кто-либо увидел. Храни хоть под подушкой в собственной комнате.

– Почему мне нельзя ее показывать?

– Будешь казаться дураком. Хотя... – Он самодовольно хмыкнул. – Ввязаться в дуэль с принцессой – как раз такой повод. Так что не усугубляй свое положение, хоть ты и победил.

Я был в полной растерянности. Искренне не понимал, как эту информацию переварить и что делать дальше. Но ответ пришел сам собой. Точнее, Лаврентий сам назначил цель.

– Отныне ты студент моей академии. Уже – зачисленный, в некотором роде. Но тебя, как и всех, ждут два испытания. Провалишь их? Отчислю тем же числом, каким и принял тебя. – он заулыбался, – Твоя первоначальная цель – убейся, но испытания пройди. Дальше. – он томно вздохнул и закрыл глаза. – Защищай принцессу. Думаю, ты и сам понимаешь, что она в опасности. Узнай, почему за ней охотятся, кто стрелок и кто за всем этим стоит.

– А мне-то что с этого? – я скрестил руки на груди, с вызовом глядя на президента.

– Ты же воин, или там, гладиатор, правильно?

– Ну.

– Сила. Знания. Слава и честь. Выполняя мои поручения, ты будешь становиться сильнее. Какая цель у таких, как ты?

– Побеждать, чтобы выжить.

– Ну вот, собственно говоря, и твоя цель.

– А если я не захочу? – задал весьма логичный вопрос. – Понравится мне здесь и захочу остаться? И нахрен мне не нужно никого защищать и так далее.

– Тебе уже нравится, Алексей, я вижу по твоим глазам.

Сука. А он прав... Здесь все такое живое...

– Хочешь жить и остаться здесь – выполняй мои поручения и развивайся. Это ли не цель?!

– Цель...

– А теперь... Ваня! – крикнул Лаврентий. – Человек, который сейчас придет, будет твоим соседом на ближайшие пять лет. Он твой проводник в новый мир.

Как оказалось, это не то чтобы проводник. Этот человек отныне моя головная боль!

Эпизод 5

После того как президент прокричал имя, прошло чуть больше двух минут. И ожидание явно не устраивало Лаврентия.

– Сказал же ему ждать в коридоре... Вот чем слушает этот увалень?!

И только он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы прокричать имя еще раз, в дверь постучали.

– Наконец-то, – проворчал президент, – Заходи.

В двух словах описать внешность вошедшего в кабинет человека было несложно. Определенный тип человека, который везде, в любом мире был одинаковым.

Иван – подросток чуть выше меня, полноват, с роскошной рыжей шевелюрой, подростковой щетиной и молочно-белой кожей. Ничего примечательного в нем нет и никогда не будет. Он стандартный эталон «рыжести». И я был более чем уверен – в «породе» у него куча братьев и сестер.

На носу и под глазами можно увидеть бронзовую россыпь веснушек.

Ванька-встанька... Ванька-сранька...

– Сонцов, почему не слышим с первого раза? – причитающее спросил Лаврентий. – Почему я должен повторять дважды? Какого черта ты не слышишь меня? – он искоса по-

смотрел на обладателя рыжести повышенной степени, и продолжил, – Я с кем разговариваю?

Рыжему, видимо, было весьма неловко, или же он опасался гнева Лаврентия Лаврентьевича, отчего опустил голову и что-то невнятно пробормотал.

– Не слышу, – сказал президент.

– П... Простите, дядя Лаврентий, – послышался звонкий голос Ивана, – Я так больше не буду... Честно!

Дядя?

– Сколько раз тебе повторять, не смей в стенах академии обращаться ко мне «дядя». Еще одно замечание на эту тему – уедешь домой, в деревню. Ты меня понял?

Зеленые глаза внимательно посмотрели на «дядю», и тот лишь тяжело вздохнул.

– Ничего не меняется в твоей голове... Весь в отца. – он сел за стол, и приказал, – Отведи нашего нового студента в комнату.

– Студента? Он уже прошел испытания? – Ваня расправил плечи и с вызовом посмотрел на президента. – Испытание же завтра только!

Что-то я ничего не понял. А точнее, понял, что ничего не понял.

В их разговор я особо не вникал, ибо было не за чем. Поднял с пола сверток с формой и начал его разворачивать.

На вид – мой размерчик. Только вот нижнего белья не хватает. Ткань натирать будет все прелести и достоинства этого

подросткового тела.

Разговор родственников, между тем, закончился, и под одобрительный взгляд президента я вышел вслед за Ваней, постоянно поправляя на себе штаны, которые сваливались с меня. Не совсем мой размер, не угадал. Зато верх идеально сидел.

Было одно «но», что отличало меня от Ивана, помимо цвета волос, конечно же. На рукаве не было белой эмблемы, как у тех студентов и у «рыжего» в том числе. Была палочка, обозначающая цифру один на черном фоне, и непонятный мне рисунок.

Что-то по типу герба моего вымышленного рода. Если я все правильно понял.

Бык, кинжал и башня? Что за суповой набор?

Ваня тем временем не затыкался.

– Я Иван Сергеевич, для тебя просто – Ванек! Ну ты, конечно, крут! Только появился в стенах академии, сразу забрался в женское общежитие, к самой принцессе, так еще и тумачков ей отвесил! Ну ты... Ты... – Его словарный запас явно хромал. – Крутой!

– Ага, – сухо ответил, внимательно разглядывая лестницу, по которой мы спускались.

Каменные ступени, казалось, были только-только установлены, вырезаны и сияли своей чистотой. Казалось, на них не было и пылинки, что было не совсем уместно, как мне казалось. Они были идеальными, от слова совсем. А деревян-

ные перила блестели так, словно их только-только покрыли лаком.

– Только теперь ты враг номер один у всех принцесс, графинь и, проще говоря, всех девиц! – заметил он, останавливаясь перед большой стальной двери с резьбой.

– Это почему это? – удивился.

– Так тебя уже приписали к секте Хлыстов, которая появилась очень-очень давно, еще при Иване Грозном, так еще и шепчет, мол, ты содомит!

– Что такое секта и кто такие содомиты? – Меня определенно начинала раздражать местная непонятная терминология.

Как оказалось, содомиты и извращенцы – почти одно и то же, что мне ой как не понравилось. Только появился здесь, а уже подобным кличут. Ну а секта Хлыста...

Это была некая группа людей, которая воздерживалось от всего, что только возможно. Человеческое тело, согласно их воззрениям, греховно и является наказанием за первородный грех. Что само по себе бред. Как-то не укладывалось в голове словосочетание содомита и Хлыста. А Ивана же, наоборот, забавляло это сочетание, ибо он повторил это не один раз. Так еще, и придумывал для меня клички... Так себе ситуация.

– А то, что ты победил Елизавету Петровну, да еще и не используя магию, так это ты...

– Крут, – перебил его я, обошел и распахнул стальную

дверь, которая, на удивление, очень легко поддавалась.

Как я и думал, за дверью была пелена, через которую мне нужно было пройти.

– Ваня, скажи-ка мне, а эта пелена, она везде?

– Пелена? – Он удивленно посмотрел на меня, а я указал на выход. – А, ты про разлом, что ль? – он захохотал, – Тебе что, всю голову Запорожцы отбили? Какая к черту пелена? Что за дивное название? – и захохотал.

Мое лицо не излучало ничего. Ни злобы, ни агрессии, мимики – ноль, но Ваня подумал, что своими словами и смехом задел меня, и принялся тысячу раз извиняться.

На определенный момент я устал от повторения одного и того же слова.

– Успокойся, а.

– Так ты не обижаешься?

И вправду, похож на типичного рыжего Иванушку. В моем мире таких было много...

– Нет. Так ты мне на мой вопрос ответишь?

– А чего не ответить-то? Отвечу! – Он заулыбался, поднимая скулы, отчего его веснушки превратились в одно сплошное пятно по обе стороны от носа. – Разлом появляется там, где есть сильный маг или маг с очень чистой родословной. Который способен силами своего артефакта сделать тоннель между двумя точками. На самом деле – все могут этому научиться, ну... – он замялся, – Точнее, мы на вряд ли сможем, но если будем в большой группе с сильным магическим ис-

точником, то да. Это мы можем!

– Как это? – Я не стал дожидаться ответа и шагнул вперед, выдохнув от неприятного ощущения липкости на лице.

Комната, в которую я зашел, оказалась очень просторной и светлой, а пол был таким же паркетным, как и в кабинете Лаврентия. Огромное окно перед глазами было занавешено белоснежным тюлем.

Обои, желтые с оранжевым, больше напоминали цвет детской неожиданности, что мне как-то было не особо по нраву. Мебели – по максимуму. В левом углу от окна – письменный стол, а возле него комод. Шкаф и софа – у правой стены, такой же «комплект» у левой, а возле двери стоял пуфик зеленого цвета. Стены были увешаны разнообразными картинами. На одних запечатлены какие-то военные походы, на других – рисунки каких-то неизвестных мне городов.

Вкус у того, кто обставлял эту комнату, безоговорочно испорчен.

– Ну, это работает только в помещениях с большим энергетическо-магическим потенциалом, как, например, вся академия! Закрываешь глаза перед дверью, аркой, порогом, представляешь себе место, куда в этом помещении или комплексе зданий хочешь попасть. И вуа-ля! – Он театрально хлопнул в ладоши и хихикнул. – Ты переходишь в это место!

– Ты тоже сильный маг? – спросил я, внимательно разглядывая глуповатую улыбку и выражение лица Вани.

– Я? Нет! С чего ты взял?

— Ну в комнату мы же зашли.

— А, — он как бы виновато почесал макушку и плюхнулся на пуф, скидывая с ног черные сапоги, — Так это дядя мой пожелал так. У меня даже сестры так не могут, а они, — он улыбнулся, — Военные маги.

Как же много он болтает...

— А зачем нужны военные маги?

— Как зачем? — он очень искренне удивился. — А вдруг война? Вдруг императору понадобится новая торговая точка, или новые ресурсы? Да и... — он замялся, — Ладно нашему. А если королю Швеции? Или Великобритании? Это же...

— Обычным людям не по зубам? Здесь же есть обычные люди?

— Конечно есть! — он опять искренне захохотал, — Ну, ты даешь! Такие вопросы задаешь, как будто только с луны свалился!

Как же меня он начал утомлять...

— Дай догадаюсь, у тебя большая семья с кучей братьев, сестер и родственников? — вспомнил я свое предположение, когда только его увидел.

— Да! — Ваня замер, пораженный моей догадкой. — А откуда ты знаешь?

Я не стал ничего отвечать, спрашивать про перемещения, про армию и молча подошел к окну.

Вид был абсолютно такой же, как из окна Лизы.

Под окнами здание было «густо засеяно» различными

цветами, горшками и прочей растительной утварью, так же среди кустарника проглядывалась дорожка из желтого кирпича, а буквально в пятидесяти метрах уже узнаваемое мною здание женского общежития, возле которого торчали под-
ростки.

Хм, я тоже на втором этаже, да и здания – копия друг друга. Из какого это я там окна вывалился?

Я взглядом отследил примерное место, где моя задница познакомилась с чудесной «русской» землей, и поднял глаза на второй этаж.

Волей случая, судьбы или чьей-то матери в окне стояла Лиза и что-то рассматривала вдаль. Как оказалось, не что-то, а кого-то – меня. Как только она обнаружила объект своего внимания, показала мне кулак и задернула окно занавеской.

Странная баба...

Насытившись свежим воздухом и лучами солнца, я «вернулся» в комнату, где Ваня что-то деловито ломал в руках, причудливо ругаясь.

– Какой лоший придумал это, а? – Он внимательно посмотрел на меня, показывая черную, исписанную странными буквами коробочку.

Вот как мне понимать, что за херню он несет? А если?..

Я проигнорировал непонятный вопрос от рыжего и задал свой.

– А где хоть какие-то мои вещи? Я вроде бы оставил подаренные принцессой штаны и книжку у президента в каби-

нете.

– Так оно все тут, в шкафу твоём! – Он махнул рукой на противоположную от себя стену.

Щелкнув шеей, и расправив плечи, я направился к дубовому шкафу. Дверь оказалась массивной и не сразу поддавалась, пришлось приложить усилия. Но оно того стоило.

Весь шкаф был забит одеждой, каким-то бумагами и обувью. Значит, меня не оставят бродить голым.

С некоторым удовольствием я отметил наличие белоснежных трусов и без какого-либо стеснения начал переодеваться. Словив на себе взгляд, посмотрел на Ваню, который стоял посреди комнаты бледный, как поганка.

– Что? Мне переодеваться на виду нельзя? Или у вас приветствуются... – но я не договорил, Ваня покраснел и выпалил:

– Ты бы хоть это сделал не напротив окна... Там же... Там же...

Проследив за его взглядом, я уловил силуэты в женском общежитии, которые маячили перед своими окнами, внимательно разглядывая, что творится у нас.

– Девственницы, что ль? – буркнул я и задернул занавеску. – С хера ли они так интересуются. И что они могут разглядеть на таком расстоянии?

– Забудь это слово! – взбрыкнул Ваня. – Бед накличешь на себя!

Натянув штаны, я вернулся к шкафу, где, наконец, нашел

книженцию, отданную мне Лаврентием.

Глобусы, херобусы и прочая хреномуть. Как мне заставить тебя показывать?

«Спроси меня, и я покажу!» – раздался в голове чужеродный голос какого-то старика.

Меня аж отдернуло от книги. Бросив ее на пол, я принялся оглядывать комнату в поиске того самого старика.

– Вижу, ты впервые сталкиваешься с магическим талмудом? – разрядил тишину голос Вани, – Я тоже долго привыкал, что в моей голове появляется голос девицы, когда дядя разрешал мне пользоваться его книгой.

Девицы? А почему тогда у меня голос старика? Немного несправедливо.

– Задаешь в голове вопрос, раскрывая страницу, и ответ придет сам собой, если, ты, конечно, задаешь вопрос в компетенции талмуда. – ответил на назревающий вопрос Ваня.

Внимательно посмотрел на книгу, потом на рыжего и опять на книгу, нагнулся и поднял ее, сдувая с обложки мусоринки, и уселся на свою кровать.

Провел пару минут в тишине, пытаясь правильно сформулировать вопрос, и наконец выпалил у себя в голове.

«Что такое лоший?»

«Вас интересует обозначение термина?»

«Ага...»

«Дурной».

«Кто дурной?!».

«Ну, судя по всему – ты. Я тебе объяснил смысл слова, значение которого ты спросил».

– Леша, кстати. – Голос рыжего вывел меня из раздумий. – Ты талмуд-то береги, он редкость.

– Почему это?

– Царская библиотека была выжжена очень давно, экземпляров осталось не так много. Я вообще удивлен, почему тебе дядя его отдал.

Я бы на его месте не удивлялся. Но и объяснять ничего не собирался.

«Пожрать бы...»

«Ужин будет через полчаса. Настоятельно рекомендую вам выходить из комнаты через пять минут, – сказала книга. – А перед выходом – умыться в соседней комнате. Вид у вас обшарпанный».

И вправду. Упал со второго этажа, наглотался песка на дуэли и даже зубы не чистил.

Талмуд оказался весьма удобной вещью, вот только как бы мне его постоянно с собой носить?

Я уставился на книгу, и не пришло ничего лучше на ум, чем вырвать одну страницу, так, ради эксперимента. На что словил целый поток криков Ивана, мол, нельзя так поступать с книгой, запрещено так обращаться с редким экземпляром и что все расскажет моему дяде. Казалось, что он был готов сожрать меня с говном за подобный акт вандализма.

На это мне, собственно говоря, было наплевать. Я лишь

искал легкий способ всегда с собой носить знания. Если все окажется так, как предполагаю.

Убирая книгу в шкаф, я внимательно уставился на лист бумаги.

«Ну что, дедок, поговорим?»

«Поговорим.»

«Йес!»

Облегчив для себя вариант ношения «знаний», я вышел из комнаты и повернул налево, двигаясь по подсказкам листика бумаги в кармане брюк.

«Так еще никто мною не пользовался...» – прозвучал в голове старик с легкой ноткой грусти в голосе.

«Я тебя обязательно как-нибудь вклею обратно».

Дверь в ванную была без каких-либо значков, подписей и так далее, и, если бы не «бумажка» в кармане, я бы так ее и не нашел. Комната, кстати, так же, как и «моя», была без всяких изысков. А вспоминая Лизино место обитания, я немного призадумался над удобствами, связанными с чином человека.

В комнате три на три метра был простой белоснежный умывальник, такой же унитаз, чугунная ванна на четырех ножках и большущее непрозрачное окно во весь мой рост.

«Что бы не подглядывали, но было светло?» – подумал я, изучая потолок.

Электричества, такого привычного мне, не обнаружил, как и ламп. Собственно говоря, об проблеме отсутствия это-

го важного элемента жизни я задумался только сейчас. Как-то не обращал на это внимание раньше.

– Включить теплую воду, – скомандовал я раковине, но, увы и ах, голосового помощника здесь не было.

Выругавшись, принялся изучать интерьер, чтобы понять, что и как мне включать-запускать.

Уставившись на странные вентили с трубой над раковиной, я предположил, что с их помощью должна открываться вода. Не хватало мне прелестей моего мира, ох как не хватало.

Собственно говоря, я угадал, только вот чтобы настроить теплую воду, пришлось крутить оба крана и подбирать количество оборотов, чтобы настроить нужную температуру.

Я не забывал при этом всячески ругаться.

Наконец, умывшись, понял, что забыл полотенце, уставился в собственное отражение в маленькое зеркальце.

Ребенок... Ей-богу, ребенок...

«Сколько ты ни умывайся, совести у тебя больше не станет», – зазвучал в моей голове голос книги.

– Поддеть меня пытаешься за вырванную страничку? – спросил вслух, но ответа не последовало. – Будешь много выделяться, я тобой буду задницу подтирать. Хочешь?

Обрывок страницы терпеливо молчал.

Я его уделал. Определенно и бесповоротно. Будет он мне еще огрызаться, ага.

Умывшись еще раз, снова вскинул глаза к своему отраже-

нию и в полном шоке замер, глядя на лицо за моей спиной.

Не сказать, что сильно испугался, но это было неожиданно и очень жутко.

Эпизод 6

– Алексей, – менее утробно, чем в прошлый раз, сказал «трупик», – я рада, что тебя приняли в это место.

«Странно, вроде все не посерело...» – промелькнуло в голове, и я обернулся.

Кроме полупрозрачной шторки, закрывающей часть ванны меня больше ничто не встретило. Ни трупика, ни серости «бытия», ни каких либо персонажей.

Я повернул голову обратно к зеркалу, – и вуа-ля! – «труп» никуда не пропал. Эта махинация с оборачиванием и быстрых взглядов на зеркало, длилась довольно-таки долго, пока голос не раздался вновь.

– Успокоился? – "оно" улыбнулось одними скулами. – Я здесь, и я рядом. И так будет всегда.

– Меня как-то не радует такое развитие событий, – спокойно ответил, глядя в мутные глаза трупа. – А есть функция, где я тебя не буду видеть в зеркале? Или где ты не будешь резко появляться?

Труп засмеялся, и это было довольно-таки мерзко. Его выражение лица и смех, без губ выглядело отвратно. И, как показала его раскрытая от смеха пасть, языка у него тоже не было. И как же тогда он говорит?

– Что тебе нужно? – спросил я, не отрываясь от «отраже-

ния». – Зачем ты преследуешь меня?

– Слишком много вопросов, Лешенька. – Он театрально закатил глаза и «улыбнулся». – Задай только один вопрос. Тщате...

Я не дал закончить.

– Я связан с принцессой? – моментально выпалил я.

Труп замер с открытым ртом, и я даже не смог понять, испытывает ли он какие-либо эмоции. Может, стоило спросить что-то другое?

– Ее жизнь зависит от тебя.

– И все? – Я цокнул языком, почесывая щеку. – Побольше бы информации. Да и что за фишка: "только один вопрос", я что, не проплатил обслуживания информационного стенда на корабле?

– И все. – Труп резко хлопнул в ладоши и просто пропал из виду.

Я не совсем понял, как он исчез из отражения. Ощущение, как будто просто моргнул, и все, картинка изменилась. Потеряла какую-то деталь.

Вот тебе и магический мир... Кстати...

– Эй, бумажка! Что такое магия? Как ею пользоваться? – Говоря это, я опустил голову, глядя на правый карман брюк.

«Бумажка – это то, что тебе нужно использовать, после того как ты поговорил с нежитью, – с издевкой ответил старческий голос книги. – Чтобы вытереть рот. А вот пользоваться магией...»

И небольшую по объему информацию я слушал, раскрыв рот, уставившись на свой карман.

Интересно, насколько глупо это могло выглядеть со стороны?

Первым делом мне как личности, желающей научиться колдовать, необходимо начать с изменения своего мировоззрения. Пора понять то, что в этом мире нет космических битв, инопланетных рас, энергетического оружия и полетов в космос. Так же, как и моей "масштабной" арены. Мне не нужно искать соперника, чтобы получить кредиты за бой.

Но, как тогда здесь зарабатывать на свою жизнь? Или меня будет обеспечивать всем необходимым академия? Лаврентий? Чья-то... Ладно.

Я в другом мире, и это не исправить. Пока что.

Я маг. Хочу этого или нет. У меня есть способности, слабые, но есть. У меня есть опыт арены, память о своих возможностях и знания ведение боя и, тактика. Все это нужно объединить с магией, и, как говорила «бумажка», тогда из меня выйдет что-то толковое.

Нельзя постичь магию, если в душе есть неверие в способности, страх использования силы. Следует очистить сознание, чтобы открыть для себя доступ в магический мир – и прочая чепуха.

При обучении колдовству требуется полная самоотдача. Здесь не подходят поверхностные знания и мимолетные ощущения. Необходимо полностью изменить в голове пред-

ставление о мире, его восприятие, научиться ярко представлять любые моменты, визуализировать свои мысли и желания. Собственно говоря, нужно было просто «выдохнуть», представить себе «силу», и пнуть ею?

Подобный вопрос я задал книге, но она проигнорировала ее, намекая, что мне пора спускаться.

В ускоренном режиме спускаясь по самой обычной лестнице, я на момент застыл перед трехметровыми дверями, за которыми, как мне подсказал Ваня, который неожиданно оказался за моей спиной, находилась общая столовая.

Не сказать, что с каким-то трепетом в груди, но все же я распахнул двери, которые оказались очень легкими, и мне не пришлось пыхтеть, сдвигая их с места. Я определенно хотел жрать.

С полуоткрытым от удивления ртом я вошел в «общажную столовку», как подсказал Иван.

Это было... Что-то большее, чем просто «столовка». Здесь было очень светло, как будто над помещением и вовсе не было потолка и все освещалось солнцем, а внутренний интерьер был оформлен так... Так торжественно.

Меня не покидало чувство, пока я шел мимо «рядов» заставленных едой столов, что в этом месте проходили важнейшие «студенческие» церемонии, принимали каких-либо гостей, отмечали праздники.

Пол столовой был устелен цветным персидским ковром. Все столы, которых было четыре штуки, при их немалой дли-

не – метров пять, были накрыты скатертями из расшитого узорами бархата. На них стояли блюда, напитки, а вся посуда явно была из золота.

Дорого-богато.

К столам были приставлены лавки, на вид простые, деревянные, но и в них что-то было изысканное. И установленны столы были так, чтобы можно было видеть небольшую возвышенную площадку, на которой стоял более скромный «столик» с пятью стульями у самого окна.

Кстати, об окне.

Как подсказал Иван, который и вел меня к «заветному» месту, цветные стекла, вставленные в Л-образную раму, которая образовывала треугольник окна, а не привычный квадрат и прочее, – самое настоящее венецианское стекло, магическое.

Только что он пытался мне этим сказать, я так и не понял.

Я поднял голову, пытаюсь найти хоть что-то настоящее, электрическое, чтобы понять, откуда свет, и слегка удивился.

Потолок украшала странная надпись «ADIUVANTE» с изображением сияющего треугольника, двух человек и колонн, но ничего отдаленно напоминающего светильники я так и не нашел.

– Ванька, а откуда здесь столько света? – негромко спросил у рыжего.

– Магические сферы. Потолок. Ты что, и этого не знаешь? – Он без притворства удивился, останавливаясь около

очередного стола.

Я не сразу обратил внимание на то, что здесь были еще люди, но, когда мы ушли к правой стене и уселись на полупустые лавки, это стало чем-то очевидным.

Че палимся?

Сосед, которые сидел рядом со мной и Иваном, будто бы прочел мои мысли, и спросил:

– Привет. Я Алексей Розонтов. Первокурсник.

– Ты еще не первокурсник, – поправила его рядом сидящая девица со странным лицом, которое напоминало крысине. – Никто из нас еще не пошел испытания!

А затем она уставилась на эмблему, которая явно отличалась от той, которая была у всех.

– Ты уже первокурсник? – Она выпучила серые глаза и чуть понизила громкость голоса: – Но как? Как ты прошел испытания раньше всех?

– Я еще ничего не проходил. – коротко ответил, уставившись на блюдо, которое было забито мясом, а пахло-то...

Если я начну прямо сейчас есть, это никого же не обидит?

– А как тебя приняли раньше всех-то?

Я не стал отвечать и только потянул руку к блюду, получил по ней легкий шлепок от девицы напротив меня.

– Ты что? С дуба рухнул? – У нее был противный скрипучий голос. – Ты правил и норм этикета не знаешь?

– Да, не знаю, – с вызовом ответил, глядя на «очередного» рыжего представителя этой академии. – Не знаю! Я хочу

есть! Вот и все!

– Дождись преподав, Леш, – буркнул Ваня. – Прояви уважение. У нас так не принято.

Собственно говоря, я не стал больше спорить. Нахмурил-ся, поставил локти на стол и оперся подбородком в руки.

Если плюну в коллектив, он умоется. А если он плюнет в меня, я захлебнусь. Нечего переть против норм и правил. Я чужак.

Подростки о чем-то весело болтали, а я без какой-либо цели разглядывал потолок. Что-то было в нем странное. Знакомое даже. Нет, не в двух персонажах, а в треугольнике и надписи, только что? Понять и вспомнить никак не мог.

До ужаса знакомый символ...

Преподаватели не заставили себя долго ждать.

Их делегация из пяти человек, с больно пафосными физиономиями на мой взгляд, самодовольная, зашла в столовую.

В пятерке взрослых явно главенствовал Лаврентий, который шел первым. Ну и выглядел он более официально, нежели остальные. Помимо президента, на котором был такой же костюм, как и на всех студентах, только с нашивками, погонами, медалями, которые блестели на его груди и эмблемами, преподами оказались еще двое мужчин преклонного возраста и статные женщины.

Одежда мужчин была почти такой же, как и у Лаврентия, только более светлого цвета, с меньшим количеством нашив-

вок и не такими яркими медалями.

Похожи на офицеров. Только в странных шмотках. А что за парик у этого толстяка? Я больше всего обратил внимание не на сухонького старичка, а на откровенного жирдяя.

Да и женщины были своеобразные.

Во-первых, разный цвет костюмов и разные стили. Та, что чуть выше другой, была одета в белый костюм типа нашего, с приталенными брюками и внушающей грудью, на ее фоне другая выглядела оборванкой. Во-вторых, обилие косметики. «Белый костюмчик» была разукрашена и в хвост, и в гриву, а «оборванка» – белая как мел.

Разносортные они, эти преподаватели.

Что они преподают? Этикет? Музыку? Или хреномуть?

Коллегия преподавателей остановились у стола под окном, который, очевидно, готовился для них, и почти синхронно уселись.

Наступила полная тишина.

Первым подал голос Лаврентий.

– Для тех, кто вновь прибыл, я скажу, что говорил сегодня утром, когда прибыла основная часть поступающих. Я Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост – президент Петербургской Магической Академии Наук. Мое слово – закон. Не ваших пап и мам, дядь, тетя и прочих родственников, а мое.

Его слова вызвали некоторый ажиотаж в небольшой группе из пяти студентов, которые, видимо, не были с ним согласны, на что президент сразу же сказал:

– Когда я говорю, все молчат. Все вопросы после. Если вы продолжите свой балаган – вылетите к чертовой матери из стен академии раньше начала первого испытания.

Небольшие споры вмиг прекратились, как только голос Лаврентия громом пронесся по столовой.

– В стенах моего заведения нет власти ваших чинов, власти вашего рода. Все вы одно целое и равны между собой. Никому не позволю здесь, в академии, оскорблять положение друг друга вне этих стен. Запомнили?

Весь зал протяжно выдавил из себя слово «да». Лаврентий улыбнулся и продолжил:

– Как вы все поняли, ваше нахождение здесь еще не повод полагать, что вы студенты академии. Как вы знаете, вас ждет два испытания. Практическое и магическое. Испытание пройдет завтра, и завтра же вы получите всю необходимую о нем информацию. А дальше слово за Якобом Германом.

Лаврентий кивнул мужчине по правую руку от себя и сел.

Якоб – обладатель выдающегося на голове парика, огромного живота и тонкой линией усов, кряхтя, встал, прокашлялся и заговорил голосом, который никак нельзя было назвать мужским. Он был каким-то писклявым, странным и, как показал смех некоторых студентов, довольно-таки смешным.

– Пгхиветствую всех! – Как оказалось, он не мог выговорить букву «р» и явно имел акцент.

– Он сам родом из Швейцарии, а последние несколько лет

преподавал в Германии. Забавный акцент, да? – прошептал Иван. – Только ты это, молодец, что не засмеялся... Вон та женщина, – он кивком показал на «белый костюм», – его сестра и редкостная злопамятная лябзя!

«Что такое лябзя?» – сразу же уточник у «листочка» в кармане.

«Болтун, болтунья».

«И как мне это понять?»

«Трепло, говоря твоим языком».

«А-а-а-а...»

– У нее есть власть вне академии, запросто может очернить твоё славное имя... А сказок-то она рассказывает... Уши вянут!

Я никак не прокомментировал его слова, отметив, что здесь точно нужно держать язык за зубами и себя в руках в придачу. Обидишь, не дай бог, мамино сына, выйдешь за стены «школы» – и все, прирезали где-нибудь в кустах.

– Как уже сказал наш пхезидент, – он почтительно поклонился в сторону Лаврентия, – вас жду два испытания. Подгхобности я гхасскажу завтгха в десять ноль-ноль утгха здесь, в столовой. Но, как я знаю, не у всех пгхисутствующих здесь, – он явно посмотрел на меня, и мне не показалось, – нет до сих погх собственного фамильягха.

После его слов появился новый, более гулкий смех среди студентов.

– Тише-тише, уважаемые, – он «перепищал» смех, – в

этом нет ничего постыдного. Не забывайте, не все знают о собственной силе и не у всех есть возможность вовгхемя научиться использовать магию.

Его слова вновь вызвали новую волну смеха и явно не из-за того, что у кого-то нет фамильяра. Но здесь уже вмешался президент.

– Молчать! – рывкнул он, не вставая со своего места.

Моментально все утихло, и Лаврентий Лаврентьевич обратился к Герману:

– Продолжайте, профессор.

– Спасибо! – улыбнулся тот. – Что я хотел вам сказать... – Он задумчиво почесал где-то под париком. – Ах, да... После ужина подойдите ко мне, я вам дам короткую инфогхмацию о том, где и как получить своего фамильягха, если гходовым вы не владеете.

«Значит, мне идти к нему?» – спросил я сам себя.

Расплываясь в мыслях, что мне следует к нему обратиться и в этом нет ничего постыдного, так как за спрос денег не берут, я и не заметил, как президент скомандовал «ужинать».

Я ел все, до чего мог дотянуться. И еда, как оказалось, была гораздо вкуснее привычных брикетов «дома». Все, к чему я прикасался, комментировала бумажка в кармане, так как я попросил «старика», хотя бы называть названия блюд, чтобы в будущем я знал, что кладу в свой котелок.

«Гречневая каша».

Вкусно-то как...

«Солодовое пиво».

Знаю, что это такое, но вкус... Лучше!

«Морской окунь».

Без комментариев.

«Куриные голени с запеченным картофелем».

Это безумно вкусно!

Я ел, ел, ел ровно до того момента, пока одного из студентов, сидевшего со мной за одним столом и, как оказалось, гневно плящущегося на меня, в какой-то момент не кликнуло.

Подросток с черными волосами, лицом, которое прямо просило «ударь меня», и голосом, полным надменности и пафоса, встал из-за стола и громко, чтобы слышали все, сказал:

– Не должно иметь рабов свидетелями того, когда хозяева едят и веселятся.

Ого, вот это замашки сыночка богатого папика. Про кого это он так?

Все как один уставились на него, а он, на меня. Искра, буря, безумие.

Его указательный палец явно был направлен в мою сторону, а лицо таки требовало: «Алешенька, возьми вон то блюдо, которое называется овсяной кашей, и херачь меня по лицу до кровавых соплей».

– Александр Барятинский, – голос президента явно отрезвил студента, – что ты хочешь этим сказать?

Малец, казалось, не чуть не испугался Лаврентия, и продолжил нести чушь:

– Сын стольника должен подносить нам блюда, а не есть рядом с нами. Как и вся его семейка!

А, так это он про меня? Хера се. Корона на башке не жмет? Мне ее поправить?

— Он что, не слышал, что говорил президент про чины? Или посчитал, что это правило к нему не относится? – тихонько спросил Ваня блондинистого, слащавого перенька перед собой.

— Дурак он, вот и все, – ответил ты.

– Я, если вы позволите, сейчас возьму этого паршивца, и... – начал было "дурачок".

Но ему не дали договорить. Появился еще один «возмущенец».

– Почему на нем эмблема первого курса? Как он мог пройти испытания раньше нас?

Гул возмущения вокруг моей персоны начал зашкаливать. Я искренне был удивлен такими вопросами, ибо и сам не мог на них ответить.

– Тишина! – рявкнул Лаврентий. – Ты, – он показал пальцем на Барятинского, – сядь на свое место, закрой рот и молись, чтобы Алексей, – на сей раз кивок был в мою сторону, – не вызвал тебя на дуэль за откровенную клевету и не прикончил. А для всех остальных скажу вот что. Алексей тут на таких же птичьих правах, как и вы, и будет проходить ис-

пытания наравне с вами. Но, – он сделал короткую паузу, – это никак не повлияет на то, что у нас с ним контракт.

Какой еще, к черту, контракт?

Эпизод 7

Когда президент произнес слово – контракт, весь гул в столовой в моментально пропал. На меня пялились откровенно все, а я и не понимал, что в слове контракт не так, и в чем, собственно говоря – дело.

Ну, что, разве студент не может быть на каких-то условиях здесь? Не может работать на профессора? Что не так то?

Единственным человеком, который смотрел на меня без какого-либо удивления, был Иван, который наоборот, улыбался, и с какой-то гордостью смотрел на меня, мол: "это мой сосед!"

«В чем, сука, дело?»

— ... а для всех остальных, я повторяю еще раз, – громогласный голос президента вывел меня из некоторого транса, – В стенах моего заведения – строго на строго запрещено пользоваться собственным положением в обществе. Поэтому, так как наш достопочтенный Александр сразу же решил его нарушить, его ждет наказание.

Слова Лаврентия Лаврентьевича очень не понравились выскочке. А я искренне не мог поверить в то, что подростковый максимализм действительно существует, и вот он – яркий пример.

— Вы знаете, кто мой отец? – со злостью в голосе, и как

мне показалось, со страхом в глазах, юнец выскочил из-за стола, – Вы понимаете, что он с вами сделает?

— Вот так, значит, – президент тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Странный он какой-то, дерганый. Чего успокаиваться-то? Поставил на место оборванца и все, чего церемониться то?

На сей раз, все внимание было приковано к этому пареньку.

— Ничего его отец никому здесь не сделает, – прошептал на ухо Ваня, – Адмиралтейство флота – явно пониже статусом графов и дворцовых чинуш. Если он действительно считает, что его папашка прикроет его фокусы, то он сильно ошибается... Работать на Императора – это бояться за свою пятую точку больше, чем за семью. Мне так кажется...

— Так, а чего он тогда херней занимается? Закапывает себя дальше? – так же шепотом спросил я, – Неужели он на столько тупой, что с ходу решил в чмошники записаться?

— Чем? Херней? Это как? Чмошник – это что? – Ванька искренне удивился.

— Забудь.

Слова Сашки никак не задели президента, а наоборот, он аж взбодрился, заулыбался, только вот в его глазах заиграл недобрый огонек.

— Сегодня ты, Александр, убираешь со столов после команды: «Прекратить прием пищи». Будешь как тот самый

сотник, которого ты, якобы, увидел в роду Быкова. Не захочешь делать сам? Заставлю делать это при всех.

Юноша пытался было что-то сказать, но по нему было видно, как запал – иссяк, под жестким «натиском» слов президента. Он несколько раз открыл рот, поиграл скулами, а затем молча уселся на свое место, где его тут же принялись подбадривать сидящие рядом девицы.

«Группа поддержки выпендрейника.» – констатировала факт «бумажка», – «Лаврентий как-то по-божески еще обошелся. На его месте – я бы сразу выпер его за пределы академии.»

«Поддерживаю», – я не мог не согласиться со старпером.

Команда об окончании ужина прозвучала довольно резко, но, как мне показалось, больше уже никто не ел, все обсуждали два таких значимых события. Ей богу – совсем дети.

В мое время, подобных вещей не было. Все были замкнуты. Не имели друзей. Все понимали, что еще пару лет, и вас раскидает по разным уголкам вселенной, и лишь единицы выживут. А остатки – будут доживать после службы на пиратских базах, играть в рулетку или, как я, драться на арене, чтобы прокормить себя и хоть что-то из себя представлять перед смертью.

Не хватало мне этого. Очень не хватало.

Я прекрасно понимал, что я очевидно, более смысленный, чем они, более подготовлен, да и повидал большего, но глядя на то, как они искреннее друг другу улыбаются, общаются,

может быть, завидуют, меня не покидало чувство, что я всех их перегнал. Мне чужды эти эмоции, морально – я стар.

Из столовой я выходил почти самым последним, внимательно высматривая профессора Якоба, дабы все-таки узнать, как мне получить фамильяра. Но пузатый испарился, в прямом смысле этого слова. Ваня лишь пожимал плечами, мол, понятия не имею где у него кабинет и куда он пропал.

Уже почти у самой двери моей комнаты, до меня дошло.

«Ля, книга же! Че я не додумался сразу спросить этого старикашку...»

«Ты кого стариком назвал, наглец?» – дедок, очевидно, под обиделся, – «То, что я выполняю условие Лаврентия, не означает, что ты можешь выбирать мне подобные оскорбительные названия!»

«Боже, какие мы нежные... Ладно, пенсия, как тебя называть?»

«Алексей!»

«Ты прикалываешься? Еще к карману своих брюк я не обращался по собственному имени. Буду называть тебя...»

В моей голове наступила зловещая тишина, а Иван, на которого я мельком глянул, стоял и искренне не понимал, от чего я завис с полу открытым ртом в полуметре от двери.

— Алешка, у тебя все в порядке?

«Нахову тебя – Читом! Как тебе?»

«Что за странное заморское название?» – в его старческом голосе появились легкие нотки заинтересованности. –

«Небось, оскорбительное?»

«Да нет же, наоборот – оно означает некоторую сверх способность. Вещь, которой нет у других.»

«Эве как?! По рукам!» – дедок явно порадовался новому «имени», и без упреков и выгибонов, повел меня в кабинет.

Как оказалось, мне пришлось выйти на улицу, и пройти пару сотен метров до соседнего корпуса. Благо, что, не смотря на потемки, дорожка их желтого кирпича подсвечивалась.

«Удобно...»

Двери в учебный корпус оказались довольно скромными, если сравнивать их с дверьми столовой. Размерами то были один в один, только не было всех этих причудливых узоров, надписей и прочей ереси.

Сразу за дверью меня встретил то ли охранник, то ли прислуга. Мужчина в какой-то странной форме, отдаленно напоминающий академическую, но более строгую, с ровной линией «ершика» под носом, пустыми глазами и идеальной осанкой.

— Эм, добрый день, – поздоровался я, внимательно вглядываясь в медали, которыми была увешана его грудь.

«Явно не прислуга. Военный?»

— Не день, а вечер, юноша! – сказал мужик, и посмотрел на меня своими странными черными глазищами.

Что-то в этом взгляде было не так. Может быть, отсутствие радужки?

Я уставился в ответ и увидел, как в его глазищах что-то

изменило меня.

Там был не я! А другой человек, но с похоже внешностью! Какой-то поседевший, сутулый, с серым уставшим лицом.

«Что за хреномуть?»

Невольно я дотронулся и до своего лица. Морщин нет... Я был точно не стариком... Тогда, почему я вижу себя таким в его глазах?

Он жестом пригласил меня зайти в дверной проем, и я прошел сквозь незримую пелену.

Кажется, я никогда к ней не привыкну.

Перед моими глазами появился профессор, который сидел в старом кресле.

Казалось, что эта комната впитала в себя тысячи «забытых» запахов всего мира, ибо такого разнообразия я еще нигде, здесь, не встречал. Что было не менее странным, так это то, что кресло стояло в начале комнаты, а не в центре или у камина.

Посреди комнаты стоял пыльный стол, было широкое окно во всю стену, а с левой от меня стены, висела огромная картина, которая показывала панораму какого-то города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.